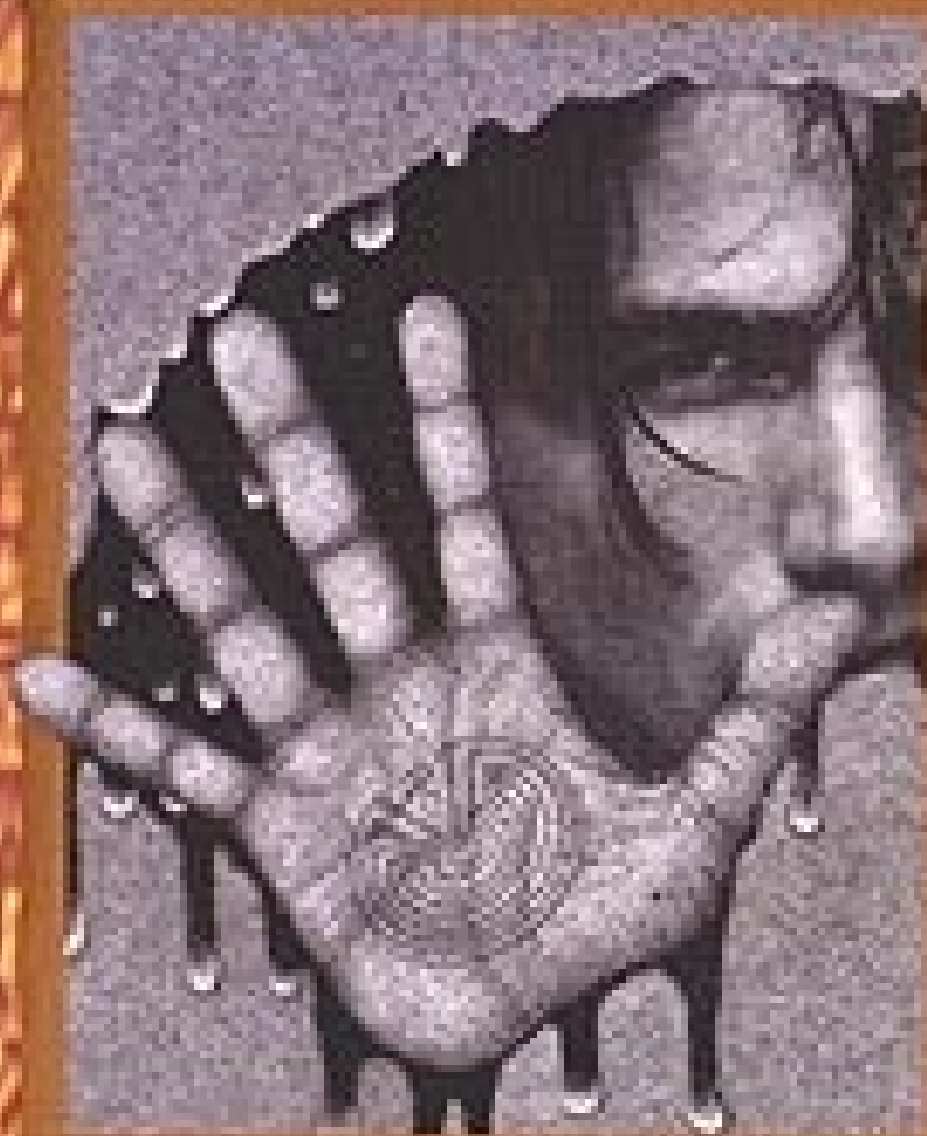


# Анхель де КуатьЭ



Учитель танцев

Куатьэ, Анхель де Поиски Скрижалей продолжаютя!

Судьба — это не банальная череда событий, это набор испытаний. И чтобы пройти их с честью, мы должны знать, в чем подлинный смысл страданий, выпавших на нашу долю.

Герои новой, пленяющей воображение книги Анхеля де Куатьэ отправляются в захватывающее путешествие по параллельным мирам. Это путешествие духа, движение по тонкой грани, где с одной стороны — страдание и смерть, а с другой — знание и истинная любовь.

Будда говорил: «Мир — это страдание». Но он же говорил и другое: «Мир — это иллюзия». Значит ли это, что само наше страдание иллюзорно? И как тогда найти дорогу к своему счастью? Эту тайну хранит Третья Скрижаль Завета.

Великие испытания уготованы душе каждого человека. И пройдет их душа, умеющая танцевать.

«— Я думаю, что страдание, — сказал Данила через какое-то время, — это препятствие на пути к самому себе. Оно словно бы говорит: „Не смотри на себя, смотри на меня. Борись со мной, ведь я — твое несчастье“. И это правда, страдание — это наше несчастье. Но счастье — это не отсутствие страдания, это что-то совсем другое...»

---

---

**Анхель де Куатьэ**

**Учитель танцев**

*третья скрижаль завета*

Сейчас я сижу в своем кабинете, кручусь в кресле и собираюсь написать вступление к четвертой книге Анхеля де Куатьэ. Последнее время мне уже стало казаться, что моя единственная встреча с этим загадочным автором была лишь сном, наваждением или, может быть, даже глупой фантазией. Он стал жить во мне как фантом, спрятанная в самой себе тайна.

Однажды я видел его, но он для меня — только текст, только набор впечатлений, вызванных прочтением его книг. Мне трудно вспомнить, как он выглядит, как звучит его голос. Он стал частью моего воображения, а вовсе не тем живым человеком из плоти и крови, с которым мне довелось встретиться.

В тот день, сидя в небольшом ресторанчике, я думал как раз об этом, об этой странной подмене — о реальности, которая стала в моем воображении чистым смыслом. Я сделал заказ и принялся ждать, когда его выполнят. Официант явился быстрее, чем я ожидал, и протянул мне папку. Я еще подумал: «Чего он хочет? Я уже заказал все, что хотел».

— Вам просили передать, — сказал он.

Я машинально принял папку из его рук и открыл ее. Стопка бумаг. На первой странице выведенный карандашом текст — «Анхель де Куатьэ. Учитель танцев».

— Кто?! — я даже подскочил на месте. — Кто просил передать?!

— Два молодых человека. Да вот они! Только что ушли, — официант указал на только что закрывшуюся стеклянную дверь ресторана.

Все, что мне удалось увидеть, — это два силуэта, двух мужчин, пересекавших улицу. Светлый и темный...

— Анхель! Данила! — закричал я и бросился за ними следом.

Судя по всему, я бежал быстро, поскольку умудрился сбить какое-то блюдо с подноса одного из официантов. Но, видимо, недостаточно быстро. Потому что, когда я выбежал на улицу, уже было поздно. На всем пространстве этого небольшого переулочка маячил один лишь дворник, сбивавший лед с промерзшего тротуара. Автор и его друг пропали, словно бы растворились в воздухе.

Впрочем, сказать по правде, ничего другого я и не ожидал. У меня в руках была рукопись — и, наверное, этого вполне достаточно. Таково мое приключение, самое необычное, самое странное и самое потрясающее приключение в моей жизни. Здесь реальность похожа на сон, а сон — на реальность. Все как и говорит Анхель де Куатьэ.

Мне ничего не оставалось, как вернуться в ресторан и сесть за свой столик. До этого мне казалось, что я голоден. Но, как выяснилось, но фактически они оказывают помощь конкретным людям, оказавшимся в беде. Впрочем, если смотреть шире, Анхель и Данила просто рассказывают о жизни. Рассказывают, опираясь на свой опыт и те возможности, которые им предоставлены.

Они уже дали мне понять, что такое поступок человека, как важна вера и решимость, когда наконец перед тобой открывается цель. Этому, как мне кажется, посвящен «Схимник». Из книги «Всю жизнь ты ждала» я узнал о том, какова на самом деле любовь и какие отношения между мужчиной и женщиной без преувеличения можно было бы назвать подлинными. «Возьми с собой плеть» — это рассказ о наших отношениях друг с другом. О том страхе и о той ненависти, которые не позволяют нам быть настоящими, открытыми, чувствовать себя счастливыми и ценить жизнь.

О чем четвертая книга Анхеля де Куатьэ? Я почти уверен, что она посвящена нашему самому, быть может, большому заблуждению — отношению человека к страданию, к его цели и

смыслу. Понять эту тайну — значит открыть для себя истинную правду жизни, правду о мире, в котором мы или счастливы, или, напротив, глубоко несчастны. Последний выбор, как это ни странно, всегда — личный, наш собственный.

Все мы страдаем. Мы приходим в этот мир, испытывая страдание — боль, холод, отчаяние. Мы умираем, переживая все то же самое страдание, тот же ужас неизвестности, тот же страх пустоты. А между этими двумя пунктами — рождением и смертью — лежит долгая дорога, на которой мы беспрестанно ощущаем свою внутреннюю боль, осмысливаем ее и пытаемся найти ей хоть какое-то применение. Анхель де Куатьэ удивительным образом разрешает эту задачу, он решает ее в нашу пользу.

После прочтения «Учителя танцев» мое отношение и к боли, и к страданию существенно изменилось, почти до неузнаваемости. Не знаю, насколько правильно я толкую слова Источника Света, но теперь мне кажется, что знание истин, сосредоточенных в скрижалях завета, действительно, способно серьезно повлиять на нашу жизнь. Я сам — живой тому пример. Мне не кажется, что какая-либо другая книга могла бы произвести на меня столь же сильное, столь же ощутимое психологическое воздействие, как «Учитель танцев».

И все это к лучшему. С каждым днем я ощущаю, как пробуждаются во мне ростки новой жизни, той, которая в конце концов освободится от бесчисленных опасений, страхов, предубеждений, пустых и ненужных привязанностей. Я искренне надеюсь, что нечто подобное испытает каждый, кто доставит себе удовольствие — в спокойствии и одиночестве прочесть новую книгу загадочного мексиканца, живущего в России и пишущего на русском, — о нас с вами и для нас.

*Издатель*

# ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошлое и будущее — только мираж, игра фантазии. Все события мира — все, что «было» или когда-либо «будет», — спрятаны в сейчас. Нужно только уметь видеть. Белый человек, конечно, в это не верит. Он хочет быть последовательным. Его разум нанизывает события на нить времени — одно за другим, словно бусины.

Но как тогда быть со знаками судьбы, с интуицией. Они рассказывают нам о будущем, а значит, оно уже есть. А если есть будущее, то есть и прошлое. Они живут в сейчас. Именно поэтому мы можем чувствовать, что в жизни нет ничего случайного, а все, что происходит с нами, происходит в нужное время и в правильном месте.

Эта «игра времени» стала моей проблемой, когда я начал описывать историю «учителя танцев». Мы с Данилой пережили большое путешествие. Но в своем рассказе о нем мне пришлось перемешать последовательность событий, нарушить «законы времени». Иначе суть этой истории осталась бы скрытой от моего читателя.

Человек с заскорузлым мышлением скажет, что это неправильно, что «нужно быть последовательным». Но для индейца навахо важно следовать истине и глубинной связи вещей, а не каким-то там «правилам». Суть и подлинный смысл открываются не тому, кто смотрит, а тому, кто умеет видеть.

Была у меня и другая трудность. Что вы знаете о параллельных мирах? Вы думаете, это сказка? Но физики давно поняли — возможности нашего мира безграничны, и каждая имеет право на свое осуществление. Поэтому-то и необходимы параллельные миры — в них реализуются возможности, не попавшие в прокрустово ложе этого, конкретного мира.

Представьте себе взрыв фейерверка — точка света взмывает в небо и разделяется на тысячи отдельных искр. А теперь представьте себе, что эта точка света — наш мир, и в каждый момент он разделяется на множество параллельных ему миров. Каждый из них тоже делится, и так — до бесконечности.

Эта физическая теория поражает воображение западного человека, но для индейца в ней нет ничего странного или парадоксального. Не удивит она и буддистов, которые рассказывают ее, называя великим кругом сансары. Последователи Будды верят, что человек рождается не однажды и проживает множество жизней.

Только западный человек удивляется. Потому что он боится смерти и цепляется за каждое конкретное свое воплощение. Из-за этого своего страха он и не может видеть, что, умирая в этом мире, он продолжает жить во множестве других, параллельных ему миров. И в каждом из них он реализует разные возможности.

Задумайтесь: что случится с вами, если однажды вы узнаете, как сложилась бы ваша жизнь, если бы вы поступили в какой-то момент по-другому, воспользовались другой возможностью? Наверное, это стало бы для вас серьезным уроком. А теперь представьте, что времени не существует, а вы, продолжая жить своей собственной, «нынешней» жизнью, переживаете все то, что произошло с вами в другой, параллельной жизни... Впечатляет?

Чем старше душа, тем больше жизней она прожила. И тем сложнее задачи, которые ей приходится решать. Иногда эти задачи так сложны, что управиться с ними силами одной жизни невозможно, и вам нужна еще одна, другая ваша жизнь. У человека, которого я называю «учителем танцев», очень «старая» душа. А задача, которую ему пришлось решать, — одна из самых трудных. И он решил ее только благодаря тому, что заимствовал опыт своей параллельной жизни.

Догадываюсь, что все это звучит достаточно странно. Но и поиски третьей Скрижали

Завета были непростым делом. И сейчас обо всем этом вам предстоит узнать...

*Знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрекся от веры Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антия.*

*Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама, который учил Валака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодествовали.*

*Так и у тебя есть держащиеся учения Николаитов, которое Я ненавижу. Покайся; а если не так, скоро приду к тебе и сражусь с ними мечом уст Моих.*

*Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает.*

**Откровение святого Иоанна Богослова, 2:12-17**

В шутку я называю Данилу «материалистом», он в шутку обижается. Данила не верит ничему, что не прочувствовал на собственном опыте. А почему, собственно, он должен верить чьим-то рассказам? Где доказательства?

Впрочем, и со своим личным опытом Данила обходится весьма строго. Откуда он может знать, что ему только почудилось, а что было на самом деле? Где тут критерий? Как понять, где с тобой говорит судьба, а где — простая случайность?

Понимаешь, я должен все проверить, — говорит Данила, потирая затылок. — Ну правда! Я так устроен. Нельзя просто так со всем соглашаться. Во всем, с чем мы сталкиваемся, должна быть своя внутренняя логика. Даже если это очень странные вещи... Не смейся!

Я не смеюсь! — отвечаю я и продолжаю смеяться.

Да, Анхель, да! И если я ее ухватываю, если я вижу эту внутреннюю логику, то я и понимаю больше. Я бы многого не понял, если бы с самого начала бездумно верил всему, что ты говоришь.

Я делаю вид, что обижаюсь.

— Не обижайся, — просит Данила и тербит меня за плечо. — Пойми меня правильно.

Я говорю, что понимаю и не обижаюсь. Признаться, мне забавно слушать его рассуждения, видеть его старание, его желание докопаться до истины. Мой друг с настойчивостью любопытного ребенка изучает все то новое, с чем он теперь сталкивается.

Мои рассказы об индейцах, о наших богах и священных ритуалах он слушает, слегка щурясь и приподнимая одну бровь. Словно бы взвешивает на весах здравого рассуждения каждое мое слово.

Когда я перехожу к сновидениям, рассказываю ему о способах контроля над ними, он оживляется. Данила уже не раз путешествовал в своих и чужих снах, а потому здесь ему легче меня понять.

Я приглядываюсь к нему, и меня завораживает эта его, такая странная, такая истовая страсть к познанию сути явлений. Он не хочет, чтобы ему их описывали. Он хочет их пощупать, пережить и уловить то, что скрыто за видимой реальностью.

Вчера ему на глаза попала тоненькая книжечка 1919 года издания — «Лекция академика С. Ф. Ольденбурга о жизни Будды — индийского Учителя Жизни». Он принялся ее читать, вспоминая Агвана — маленького монаха, с которым он когда-то отправился на поиски скрижалей.

— Как книжка? — спросил я его вечером.

И Данила пересказал мне ее содержание.

В сущности, он прочитал сказку. Но пересказывая ее, он выглядел настолько серьезным и сосредоточенным, что можно было подумать, будто бы он читает доклад на научной конференции.

«В городе Капилавасту, — начал Данила,

— жена царя Шуддоданы увидела чудесный сон. Ей снилось, что боги перенесли ее в Гималаи. Здесь они омыли ее тело в священном озере Анаватапта и одели в небесные одежды. Царица возлегла на ложе под тенистым деревом и тут белый слон вошел в ее правый бок.

Утром царица рассказала царю о том, что видела во сне. И царь спросил своих звездочетов: Что значит этот странный сон?

У царицы родится сын, — сказали они.

— Если он останется в миру, то будет царем всей земли, а если станет отшельником будет



Буддою. Своим учением он просветит весь мир.

Прошло девять месяцев. Новорожденного царевича нарекли Сиддхартха, что значит — «цели достигший». Царь и царица были счастливы. Но сердце отца было беспокойно. Отшельник Асита — пророк и ясновидец — покинул свое пристанище и пришел во дворец, чтобы поклониться родившемуся божеству.

—Что побудит моего сына стать отшельником —спросил царь у Аситы.

Четыре встречи, о государь! — ответил мудрец.

О каких встречах, Асита, ты говоришь?

С бедняком, стариком, больным и покойником...

Но не успел Асита закончить свою мысль, как услышал грозный голос царя:

—Этих встреч никогда не будет в жизни моего сына! Он останется в миру и будет пра вить миром!

С тех пор Сиддхартха воспитывался, не покидая царского дворца. Жизнь царевича была счастливой, и ничто не омрачало его существования. Всего было у него вдоволь, а сам он был силен, умен и красив.

Он мог общаться с умнейшими людьми и проводить свое время так, как ему хотелось. Царевна Гопа, самая красивая из женщин, стала его женой и родила ему сына. Но Сиддхартха не выглядел счастливым.

Что с тобой? — спросила Сиддхартху Гопа. — Почему ты несчастен?

Если бы я знал ответ, — грустно улыбнулся Сиддхартха, — я был бы счастлив.

Гопа задумалась.

Может быть, тебе надо посмотреть мир? — спросила она.

Мир? — удивился Сиддхартха.

Да, тот, что лежит за стенами твоего дворца, — ответила прекрасная царевна, и лицо ее стало печальным.

—Да, я должен посмотреть мир! — ответил Сиддхартха и этой же ночью бежал из дворца.

Чудовищная картина открылась ему, когда он оказался в городе, которым ему предстояло когда-нибудь править.

Что ты делаешь? — спросил Сиддхартха у человека, стоящего на улице с протянутой рукой.

Я изнемогаю от голода и прошу милостыню, я не ел уже целую неделю. Я очень страдаю, — ответил ему тот.

Что с тобой? — спросил Сиддхартха у человека, который корчился в судорогах, лежа на дороге.

Я мучаюсь от боли. Я поражен тяжелой болезнью, она лишает меня сил. Я очень страдаю, — ответил тот.

Что это происходит? — спросил Сиддхартха у людей, которые несли тело какого-то человека.

Мы хороним нашего отца и мужа. Он умер сегодня, и все мы когда-нибудь умрем, и мысль об этом терзает наши сердца. Мы очень страдаем, — ответили ему люди.

Никогда прежде Сиддхартха не видел ни бедности, ни болезней, ни смерти. Теперь мир открылся ему в своем истинном виде. И он был полон страдания. Страшная правда...

Как бы ни хотел Сиддхартха, он уже не мог вернуться к себе во дворец. Сердце его исполнилось тоской и стремлением познать истину, понять, в чем смысл жизни. Сиддхартха решил стать отшельником и аскетом.

«Нужно умертвить свою желающую плоть, — подумал Сиддхартха. — Свободный от желаний — свободен и от страдания».

Таким казался ему кратчайший путь к истине.

Три года царевич провел в медитации. Он сидел в позе лотоса в глухом лесу, ел листья деревьев и пил дождевую воду, которая сама падала ему в рот. Его тело стало почти прозрачным от истощения, но он не прекращал своей медитации.

Сиддхартха чувствовал — истина где-то рядом. Но его смерть была ближе. Истина играла со смертью наперегонки. Его сознание отключалось, мысль превратилась в тонкую нить: «Мир — это страдание... Страдание от желаний... Нужно убить желание...».

— Нет, — воскликнул вдруг Сиддхартха. — Убить желание — значит убить жизнь! Но как узнать истину жизни вне ее самой? Это невозможно! Господи, что же я делаю?! Я пытаюсь убить жизнь, ища ее смысл!

Из последних сил Сиддхартха поднялся с земли и побрел прочь из леса. Его подобрала милая девушка. Она напоила изможденного царевича молоком и накормила рисом. Жизнь возвращалась в умиравшее только что тело Сиддхартхи.

— Все намного сложнее и вместе с тем, намного проще, — сказал себе Сиддхартха. — Мне предстоят великие испытания... Я хочу встретиться с Марой — духом Тьмы.

Сиддхартха сел под деревом бо и устремил свой взгляд на восток. Мара принял его вызов. Он и сам уже давно ждал этой встречи с будущим Буддой. Тьма невозможна без Света, но она готова и погибнуть, если это поможет ей уничтожить Свет.

Черные тучи заволокли небо, душное пекло обожгло лицо Сиддхартхи.

Сиддхартха, — обратился к нему Мара, — зачем ты упорствуешь? Какую истину ты хочешь найти? Да, бедность — это страдание. Но оглянись вокруг — ты можешь вла деть этим миром! Вернись во дворец и царствуй. Я дам тебе все!

Все, что ты можешь дать мне, — тлен! — ответил ему Сиддхартха. — Не затем человеку дана жизнь, чтобы он собирал богат ства. Ибо чем больше тебе дано, тем больше будет у тебя отнято. Не в сокровищах избавление от страдания, но в истине!

Еще чернее стало небо, еще сильнее опаляла Сиддхартху душная гарь.

— Послушай меня, Сиддхартха, ты ведь мудр, продолжал Мара. — Я дам тебе средство от боли, эликсир счастья. Ты сможешь распорядиться им, как захочешь. Не будет больше болезней, не будет страдания, ты принесешь людям избавление от тяжких мук. Подумай!

— Человек боится боли, в этом причина его страдания, — отвечал Сиддхартха. — Но надо ли освобождать человека от боли, если можно освободить его от страха? Не в отсутствии боли избавление от страдания, но в бесстрашии сердца, что живет в свете истины!

Небо превратилось в выжженную пустыню, воздух раскалился и тек, словно раскаленная лава.

Хорошо, Сиддхартха, — Мара неистовствовал. — Я согласен на самую большую цену. Ты получишь бессмертие. Ведь ты его ищешь, о мудрейший из мудрых! Умерь себя, смерть больше не коснется жизни, ты дашь людям то, о чем они мечтают! Соглашайся!

Как же ты смешон, Мара, когда пытаешься обманывать, — улыбнулся Сиддхартха. — Ты Царь Иллюзии, а потому все, от чего ты предлагаешь избавиться, — только иллюзия. Ты говоришь мне о бедности, болезнях и смерти. Их я считал причиной страдания.

Но теперь ты выдал себя самого, Мара! Не я, но ты сказал мне, что есть лишь одна иллюзия, и имя ее — страдание! Да, мир — это страдание. Но ведь и сам мир — это только иллюзия. Ты открыл мне глаза, Мара: страдание иллюзорно!

Спасибо тебе, я счастлив теперь, ты освободил меня от страдания!

И в этот миг очищающим ливнем обрушилось на землю небо. Рассеялась мгла, и очнулось от сна все живое. Тысячи диких животных пришли на поклон к царю Истины. Свежесть небесного свода, словно тога, обняла плечи Сиддхартхи, а его душа услышала пение Вечности.

Сиддхартха пробудился. С тех пор его зовут Буддой — то есть «Пробужденным».

Данила окончил свой рассказ, пребывая все в той же сосредоточенности. Я рассмеялся: Лекция, читанная профессором Данилой о жизни Будды — Индийского Учителя Жизни. Типа того... — нахмурился Данила и ушел в свою комнату.

А я взял за чем-то эту книжку и перечитал ее.

— Данила, послушай! — позвал я своего друга. — Ты же полностью переврал всю вторую половину текста!

Данила появился в дверном проеме, смерил меня взглядом и честно признался:

— Да, переврал. Так правильнее. Сказав это, он уже собрался снова уйти к себе, но задержался. — Знаешь, я думаю, что мы уже начали искать третью скрижаль

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Аня сидела в первом ряду партера и, не отрываясь, смотрела на сцену.*

*Рисунок завораживающего танца то двоился, а то и вовсе плыл перед ее глазами — два соленых озера, окаймленные изогнутыми ресницами, словно линзы, играли со светом рамп и прожекторов.*

*Нет, Аня плакала не от умиления и не от восторга.*

*Она плакала, потому что ощущала нестерпимую боль.*

*На сцене был Он... Максим. Три года назад она была просто поклонницей его таланта, потом — ученицей, а еще через год — счастливой любовницей. Теперь, на протяжении уже нескольких месяцев, она выполняет роль его сиделки.*

*Врачи запретили ему танцевать. Смешно.*

*Он умрет на сцене и будет счастлив...*

\*\*\*\*\*

Максиму казалось, что он не танцует, а продирается сквозь толщу воды. Ноги ныли, словно налитые свинцом. Тяжелые грузы, казалось, были привязаны к его рукам. Каждое движение давалось ему с усилием и причиняло нестерпимую боль.

Глаза Максима почти ослепли и слезились. Он двигался по сцене, ориентируясь только по свету. Сцена — освещенное пространство, за краем сцены начинается темнота — там зал. Он не должен пересекать границу света и тьмы.

Музыка звучала странно, как будто бы протяжный механизм стал зажевывать пленку. Ритм приходилось держать по внутреннему чутью, но тело все равно запаздывало, не выдерживало, сопротивлялось.

Стопы из сложного инструмента — пятки, носки, подъем — превратились в обрубки-неваляшки. Держать равновесие становилось все сложнее и сложнее, Максим нелепо балансировал, двигаясь по абсолютно ровной поверхности сцены.

Прыжок, пробежка, разворот, движение вспять, снова прыжок, серия батманов... Борьба с болью и отчаянием. Если бы Господь задумал наказать Максима за какие-то прегрешения, то Ему вряд ли удалось бы найти более изощренное проклятие.

Лишить возможности танцевать... В воздухе, воде и пище Максим нуждался меньше, чем в танце. Это правда.

Он хотел танцевать с трех лет. Может быть, это желание возникло в нем и раньше, но он помнил себя только с трех лет. И столько, сколько он помнил себя, он мечтал, что будет танцовщиком. Великим танцовщиком.

С детства Максим был слабым и болезненным ребенком. Попытки родителей отдать мальчика хоть в какую-нибудь спортивную секцию, чтобы улучшить его здоровье, успехом не увенчались.

Всякий раз очередная болезнь на несколько месяцев лишала его возможности посещать спортивную группу, и его исключали. Впрочем, он и не хотел быть спортсменом, он хотел только танцевать. Но разве мальчику подстать быть танцовщиком?..

И тогда его мама, отчаявшись, поехала в деревню, к бабке. Она надеялась, что та даст им какое-нибудь лечебное снадобье или прочтет заговор. Хоть что-нибудь, чтобы ребенок не мучился и не скитался больше по больницам.

— Нет для него никаких снадобий, дочка! — выкрикнула с порога сторбленная старуха в шерстяном платке. — Ничего нет! Он будет у тебя учителем... Учителем танцев! Этим только и спасется!

Так этот неприветливый разговор и закончился.

Потом на протяжении многих лет Максим вспоминал и мысленно благодарил эту странную женщину. Его мать, ошарашенная ответом бабки, действительно отдала Максима в хореографическую студию, и он начал заниматься танцем. Истово, с полной самоотдачей.

— Вы просто куски мрамора, от которых я должен отсечь лишнее, — сказал преподаватель своим новобранцам на первом занятии в хореографической студии.

Процесс «отсечения лишнего» занял несколько лет — в зале, на протертых матах, перед зеркалом у станка (так балетные называют деревянный брус, закрепленный на уровне пояса), под аккомпанемент старого, всегда чуть-чуть расстроенного пианино.

Максим любил и ненавидел свою учебу. Любил — потому что, наконец, он мог заниматься тем, чем хотел. Ненавидел — потому что сама форма преподавания казалась ему ущербной и примитивной. Он вроде бы и учился, но, казалось, занимался чем-то не тем.

После «отсечения лишнего» преподаватель перешел к следующей стадии: он начал ставить танцы, в которых его ученикам отводилась роль марионеток. Каждый из них должен был зазубрить некие движения и траекторию перемещения по сцене. Все.

Максим переживал эту стадию обучения мучительно. Его тело просто отказывалось слушать команды, выплясывать в кордебалетах приписанные ему па. Максим жаждал движения, он хотел слиться с музыкой и выразить танцем свои чувства.

Но тщетно. Преподаватель считал Максима бездарным и постоянно ставил ему в пример другого мальчика — Костю. Костя был прирожденной марионеткой, он и вел себя так, словно был сделан из папье-маше, гнущихся металлоконструкций и веревочек.

Костя на удивление точно выполнял все задания преподавателя. Он пользовался своим телом, словно играл на искусственном музыкальном инструменте. Его тело производило идеальный «электронный звук» — прыжки, ключи, батманы, поддержки...

Солирующий Костя казался Максиму нарисованным, пустым внутри, лишенным какого-либо чувства, внутренней силы. «Посмотрите на Костю!» — кричал восторженный педагог. Максим смотрел и видел страшную картину — пляшущего мертвеца.

В какой-то момент Максим понял, что все не так, что все неправильно. Так нельзя. Он должен покинуть студию. И только Максим решился на этот поступок, как судьба повернулась к нему другим бортом...

Преподаватель объявил подготовку к «отчетному концерту». Каждому ученику предлагалось представить свой танец. Лучшие должны были стать пикантным дополнением к основной программе — постановкам самого преподавателя.

Максим пришел домой, включил пластинку с «Временами года» Антонио Вивальди и... когда очнулся, танец был уже готов. Еще никогда он не чувствовал в своем теле такой силы и такой энергии. Он словно бы умер и родился заново.

На какую музыку ты поставил танец, — спросил Максима преподаватель и высокомерно отвернулся. — «Пусть бегут неуклюжи...»?

Нет, — ответил Максим, — Антонио Вивальди «Времена года».

Преподаватель посмотрел на Максима, как на умалишенного, и усмехнулся:

— Забавно взглянуть...

Музыка заполнила пространство — чувственная, пронзительная, полная страсти. Максим неуверенно ступил на сцену и замер, опустив голову и закрыв лицо руками. Потом качнулся, словно цветок, тронутый порывом ветра, и начал движение.

Легкие, семенящие, как капель, шаги к краю сцены, парящие, почти невесомые руки. И вдруг — будто бы вырвавшийся из груди крик — резкий прыжок...

Через мгновение Максим снова потерял себя. Он не чувствовал собственного тела, не

контролировал своих движений и даже не понимал, что именно он делает. Он просто жил — вдруг, внезапно, по-настоящему.

Пробежка, фуэте, изгиб тела, гран батман, прыжок жетэ — один, другой, третий, падение, и снова, снова полет.

Нет, не натянутые струны напрягали в этот момент резонаторы скрипок и виолончелей. Нет, это его душа — чистая, еще совсем юная — рвалась на свободу. И каждый шаг, каждое движение открывали ее чему-то высшему, чему-то, у чего нет названия.

Танец был его жизнью, его внутренним миром, его Вселенной.

Максим не танцевал, он священнодействовал, являя в танце чудо собственного преображения. Из угловатой, нерасторопной гусеницы он вдруг превратился в парящую бабочку — величественную, царственную в своем утонченном изяществе.

Время пронеслось незаметно, словно два хлопка ладоней. Последний прыжок, последняя нота — и тишина. Максим снова стоял в глубине сцены, опустив голову и закрыв лицо руками. Соученики смотрели на него, раскрыв рты, потрясенные и замороженные.

После паузы, которая тянулась, как может тянуться только Вечность, преподаватель Максима стал мямлить какие-то слова, глотая буквы и запинаясь: «И что ты раньше... Как это... Откуда... Я не понимаю... Хорошо... Очень... Молодец».

Больше Максим на занятиях в этой студии не появлялся.

Преподавать танец нельзя, это противоестественно. Танец — это то, что у тебя внутри. Оно или есть, или его нет. Поэтому когда Максим набирал своих первых учеников, он смотрел не на их физические данные или подготовку, он смотрел им в душу.

Если человек был способен любить — этого было достаточно, остальное придет само. Техника — это то, что прилагается, но ее нужно прилагать к чему-то. А если душа слабая, простая, как арифметическая задачка, какой танец она может создать?

О балетных говорят: «Что с них возьмешь? Они ведь думают ногами!» Именно поэтому Максим не любил ни классического балета, ни тем более спортивных танцев, ни иных постановочных действий с участием «тела».

Среди балетных можно встретить замечательных людей, но подлинных танцоров Максим чаще встречал среди людей без какого-либо хореографического образования. Поэтому, когда в его жизни появилась Аня, он и не знал, что делать...

Аня окончила Вагановское училище и была лучшей на своем курсе. Педагоги были от нее в восторге — «лучшая девочка», «необыкновенно талантливая», «чудо». Театры делали ей потрясающие предложения, их директора буквально выстроились к ней в очередь.

Ане было достаточно сказать просто — «Да». И она бы стала звездой. Влюбленные поклонники усыпали бы ее путь цветами и бриллиантами. Балетоманы цедили бы приторным восхищением. Журналы печатали бы на своих обложках ее портреты.

Карьера начиналась так успешно, что в это даже трудно было поверить.

Но жизнь — странная штука. Иногда она делает виражи. Да, зачастую резкая перемена жизни выглядит как чистой воды безумие. Но вдруг крушение твоих планов имеет какой-то глубинный, скрытый смысл?

Возможно, ты не знаешь и даже не догадываешься, какой именно. Но если ты чего-то не знаешь, не можешь понять — что с того? Почему ты думаешь, что за случившимся не стоит нечто важное, от чего ты просто не имеешь права отказаться?

— Аня, слушай! Я просто, я просто слов не нахожу! Я такое видела, такое видела! — подружка Алена схватила Аню за руку перед входом в балетный класс и тараторила безумолку.

— Лена, ради всего святого, угомонись! — Аня ужасно не любила этих Лениных всегда абсолютно бессмысленных восторгов. — Что ты видела? Скажи нормально.

— Такой танец, такой танец! — Лена не унималась. — И этот танцовщик, этот танцовщик! Не повторяй одно и то же по два раза! — Аня уже устала ее слушать. — Какой танцовщик? С тобой, вообще, все в порядке?

Все в порядке, все в п... — Лена осеклась на очередном повторе. — Ой, сорвалась. Прости, пожалуйста. Но тебе обязательно нужно это посмотреть! Обязательно...

... нужно это посмотреть, — протянула Аня.

Да! — воскликнула обрадованная Лена и стала скакать на одной ноге.

«С ней действительно не все в порядке, — обреченно подумала тогда Аня. — Придется идти смотреть на этого танцовщика, а то она мне покоя не даст».

Сходив на этот вынужденный «просмотр», все не в порядке стало с самой Аней. Вернувшись в училище, она немедленно пошла в репетиционный зал, встала у станка перед зеркалом и принялась делать разминку.

Она сделала несколько движений, поймала свой взгляд в зеркале, замерла и, уронив голову на брус, разрыдалась. Она чувствовала себя вероотступницей, которая, осознав свое преступление, бросилась в лоно прежнего бога. Но тщетно. Ее прежняя вера умерла. Безвозвратно.

Танец Максима — «альтернативный», «неклассический», «неправильный» — абсолютно перевернул все ее существо, все ее существование, все ее представление о себе самой. Еще вчера она ни за что бы не поверила, что «это» вообще может ей понравиться. Но сегодня...

Она рыдала, повиснув на станке, словно на распяты. Она рыдала, сгорая от стыда за свое желание, за эту свою неизъяснимую, необузданную, дикую, внезапно возникшую страсть. Она проклинала себя за свою слабость, за свое малодушие, искушение. Проклинала и в этот же момент сгорала от восторга.

Она мечтала... Нет, она даже не мечтала. Она грезила. Да — грезила! Во что бы то ни стало — чего бы ей это ни стоило, какими бы последствиями это для нее ни обернулось — бросить все, пасть этому человеку в ноги и просить его. Ей нужно научиться так танцевать.

Весь ее внутренний мир, с виду такой прочный, с таким трудом отстроенный, вдруг рухнул. Словно его и не было вовсе. Только сон, мираж, наваждение. Карточный домик рассыпался. Впереди пустыня. Она никогда не сможет так танцевать. Никогда.

\*\*\*\*\*

Аня стала его поклонницей. Смешно. Она уже успела привыкнуть к поклонениям в свой адрес, а тут...

Она дарила ему цветы, не пропускала ни одного его выступления, смущенно околачивалась возле гримерок, подолгу сидела в закулисных кафе, где он мог, внезапно, появиться. Но Максим не обращал на нее никакого внимания.

Потом Аня узнала, что у него есть ученики. Ей рассказывали, что это настоящая закрытая секта. В балетной среде ходили странные и противоречивые слухи. Говорили, будто бы он не берет себе в ученики людей с классическим образованием и даже не учит никакому танцу.

— Я хочу быть вашей ученицей, — Аня преградила Максиму дорогу и смотрела на него пронзительным, почти безумным взглядом.

Сколько ужаса ей пришлось пережить, прежде чем она решилась, наконец, на этот поступок! Она настолько боялась отказа, что долго не находила в себе сил просто подойти к нему и сказать: «Я хочу быть вашей ученицей».

— Вы смеетесь?.. — Максим посмотрел на нее, как на умалишенную. — Об этом нельзя просить, стоя в третьей позиции!

А в какой позиции нужно стоять? — Аня растерялась, посмотрела себе под ноги и стала автоматически ими перебирать.

В том-то все и дело, что нельзя стоять ни в какой «позиции»! Нужно просто быть. Понимаете?.. Просто быть.

Сказав это, Максим обошел Аню и исчез в сумраке длинного коридора. Дали третий звонок. А она так и осталась стоять на месте, словно вкопанная, не имея возможности ни шелохнуться, ни дать волю своему безграничному отчаянию.

Третья позиция...

Аня привычно дежурила на служебном входе, надеясь хотя бы мельком, хотя бы издали увидеть Максима. Выступление закончено, дом культуры покинул последний зритель, вот-вот ее кумир должен был появиться на проходной. Он как обычно пройдет мимо вахтерши, бросит на Аню безразличный взгляд и исчезнет в темноте ночи. Это, конечно, не много, и это очень много...

Пойдем. — сказал вдруг Максим, по равнявшись с Аней.

Куда? — Аня была ошеломлена этим предложением. — Вы мне?

Тебе, тебе. Пойдем, — Максим кивнул головой, а его рука описала едва заметный круг в воздухе — «следуй за мной».

Ноги у Ани стали ватными, тело — невесомым. И она не пошла, она буквально поплыла за Максимом — через двери на улицу, дальше по двору к его машине. Она следовала за ним по пятам, шаг в шаг, словно ребенок, нашедший своего родителя после долгих месяцев одиноких скитаний.

— Садись, — скомандовал Максим.

Аня беззвучно повиновалась, смущенная его обжигающе-ледяным спокойствием и почти страстной решительностью. То, что внешне казалось грубостью, в действительно производило впечатление пронзительной нежности. То, что пугало в нем, на самом деле манило с почти гипнотической силой. Он весь был этой несовместимой противоположностью, сочетанием несочетаемого. Если можно представить себе горящую воду, то это Максим.

Его небесно-голубые глаза выглядывали из-под черных как смоль волос. Он всегда говорил почти шепотом, но звук его голоса, проникая в душу собеседника, звучал подобно набату. Каждое его движение выглядело предельно утонченным, некой вершиной изящества, но тем не менее, создавало ощущение сосредоточия невиданной, почти магической силы.

Потрясенная, растерянная, Аня сидела на переднем сидении машины и смотрела прямо перед собой. На самом деле она только делала вид, что смотрит на дорогу. Все ее внимание было поглощено Максимом. Она прислушивалась к нему, вдыхала его пряный, бархатистый запах. Ловила краем глаза движения его рук, продолжавших жить в непрекращающемся, чувственном танце.

Максим привез Аню на окраину города, к большому ангару. Они были в пути около часа и за все это время не проронили ни слова — словно чужие.

— «Он — чужой. Как это глупо! — подумала Аня и мысленно рассмеялась. — Не может быть, я ведь люблю его».

При этой мысли Аня вдруг запаниковала. Только сейчас она осознала это. Она не просто восхищается этим человеком, не просто ценит его талант, она его любит. Да, она любит, причем впервые.

Неведомое ей прежде чувство — любовь к другому, совершенно чужому ей человеку, к мужчине.

Паника.

Максим повернул ручку, потянул на себя дверь и пропустил Аню вперед. Ангар был полон людьми. Они танцевали — каждый по-своему, импровизируя и бесконечно перефразируя язык собственного тела. Кто-то парил — плавно, медленно, грациозно. Кто-то, напротив, заходился,



безумствовал, неистовствовал в танце.

Прислушиваясь к музыке и повинаясь своему внутреннему ритму, каждый из танцующих, казалось, находил свою гармонию. Продвигаясь в глубь помещения вслед за Максимом, Аня поймала себя на мысли, что движения этих людей — лишь способ выражения внутреннего состояния. Или, может быть, способ внутреннего преображения.

Музыка — необычная, чувственная — звучала со всех сторон, соединяя огромное пространство ангара в завораживающую энергетическую целостность. Водопад света — яркого, солнечного — казалось, изливался ниоткуда. Мощные прожектора были установлены на полу по всему периметру помещения. Лучи света били в потолок, а его зеркальное покрытие рассеивало это невесомое молоко во все стороны.

— Удивлена? — спросил Максим, предлагая Ане сесть в одно из кресел на высоком подиуме в самой дальней части ангара.

Удивлена? — переспросила Аня. — Да, наверное. Но мне очень нравится. Правда.

Ты хочешь быть здесь?

Да, очень.

— Зачем? — Максим облокотился на высокий подлокотник своего кресла и подпер го лову рукой.

Аня растерялась, не знала, что на это ответить:

— Я... Я... Я не знаю. 11росто.

Просто ничего не бывает, — Максим убрал со лба крупные, вьющиеся кудри и по смотрел куда-то в сторону.

Я, правда, не знаю.

Все, кого ты здесь видишь, — Максим окинул взором танцующих, — ищут себя. Они не хотят быть танцовщиками, они понимают, что танец — это лишь один из возможных способов стать самим собой. Самый простой способ. Ты можешь сказать, что ты уже нашла себя?

\*\*\*\*\* Я никогда об этом не думала, — ответила Аня.

Странно, — протянул Максим и через секунду продолжил. — Ты знаешь, почему я не приглашаю к себе людей с классическим балетным образованием?

— Нет. И это меня пугает. потому что у меня... Но я...

Максим не стал дожидаться, пока Аня расплатится (а она уже была готова к этому). Он начал рассказывать — спокойно, доброжелательно, с заботой, которую, впрочем, вовсе не хотел афишировать:

— Первое препятствие на пути к себе — это зависть. Если один человек завидует другому, он тем самым отказывается от самого себя. Он как бы говорит: «Я себе не нравлюсь, я хочу быть другим». И после этого он уже не может быть самим собой, он фактически убивает себя.

Когда человек учится танцевать, он всегда завидует. Он завидует тем, кому эта школа дается проще и быстрее. Он завидует своим кумирам. Ему самому, кстати, тоже завидуют, и это заставляет его завидовать еще сильнее. Это порочный круг... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Да, — Аня ответила ему одними губами.

Педагоги заставляют своих учеников завидовать друг другу. Они ставят одних в при мер другим, они сами пытаются быть приме ром, занимаются самолюбованием. Но самолюбование и любовь к себе — это не одно и то же. Танцовщик, любующийся своим танцем, — это клоун, лицедей, вечный страдалец.

Так вот, танцу нельзя научить. Танец — это — состояние души, это ее песнь. Только ты сама можешь быть своим учителем. А те, кого учили танцу, те, кто воспитывался на зависти и самолюбования, испорчены. Я не знаю, почему я решил показать тебе все это... Ты все равно не сможешь быть с нами.

—Но это несправедливо! — глаза Ани наполнились слезами.

Максим посмотрел глаза в сторону и тихо произнес:

Вот ради этого слова я и затеял весь этот разговор.

Зависть... — Аня вдруг поняла, что она завидует. Да, она завидует и Максиму, и всем тем, кто мог вот так — счастливо и спокойно — отдаваться сейчас радости танца в этом огромном ангаре, наполненном светом и музыкой.

—Тебе кажется, что ты меня любишь, — сказал вдруг Максим, и мелкая дрожь побежала у Ани по ногам. — Я благодарен тебе за это чувство. Но... Ты мне завидуешь. Ты хочешь танцевать так, как танцую я. Это безумие, потому что это невозможно.

Ты можешь танцевать только свой танец. И самое главное из-за этой зависти, я просто не могу поверить твоему чувству. Любящий не может завидовать возлюбленному. Не «не должен», а именно «не может». Понимаешь? Где-то тут ошибка. Прости.

После этих слов Максим встал и направился к танцующим. Через мгновение Аня увидела что-то, что нельзя различить глазами, о чем нельзя рассказать. Словно бы по волшебству каждый вдруг почувствовал его присутствие. Нет, они не следили за Максимом, большинство из них даже не видели, как он пришел, но они почувствовали его рядом. Казалось, они физически стали ощущать это — кожей, душой, шестым чувством... Аня не знала чем, но это было именно так!

Движения танцующих стали вдруг синхронизироваться, входить в резонанс друг с другом. На глазах у Ани происходил спонтанный, невиданный ею прежде мистический процесс объединения сотен танцующих людей в единое целое.

До сих пор каждый из них жил своей энергией, своей жизнью. И это было видно. Но сейчас, в это мгновение, их энергии слились воедино, и танец стал превращаться в настоящую мистерию.

Один человек питал другого, каждый — каждого. Их энергия, переливаясь и усиливаясь, становилась общей. И в самом центре всего этого величественного и великолепного действия был он — Максим.

Аня заворожено наблюдала за происходящим. И ей было невыносимо больно. Она чувствовала себя Золушкой, которую не пустили на бал. Золушкой, подглядывающей за прекрасным принцем в окно дворца.

Аня понимала — Максим прав. Причем в каждом своем слове, в каждой интонации. Но что делать ей?! Как ей быть?! Она уже не может вернуться к своей прежней жизни. «Ты все равно не сможешь быть с нами», — услышала она голос Максима внутри своей головы.

Аня вдруг отчетливо поняла, что или будет здесь, с этими людьми, или умрет. Прежней жизни для Ани уже не существовало, а новая ее жизнь, ее мечта — вот она, здесь. И ее нет, она ускользает на глазах.

Еще никогда в жизни Аня не испытывала такого отчаяния. Ее сердце ныло от этой муки, оно готово было разорваться на части. Ане хотелось встать и бежать отсюда со всех ног. Забыть, навсегда забыть этот кошмар — ужас утраты своего счастья.

Но куда ей бежать?

Аня встала и прошла сквозь толпу танцующих. Она шла медленно, как ходят балетные с выпрямленной спиной, слегка опустив голову, не поднимая глаз. Каждый шаг с вытянутого носка. Бесконечный путь на эшафот. Приговоренная к смерти.

Оказавшись в центре ангара, Аня остановилась. Музыка продолжала играть, но все вокруг замерли и расступились. Аня встала на носки, словно была в пуантах, выдержала паузу и вдруг, ускоряясь на каждом следующем повороте, начала крутить фуэте.

Через несколько секунд она превратилась в юлу, электронную игрушку, повторяющую одно

и то же движение, раз за разом, все с большим и большим ускорением. Аня крутила и крутила свои фуэте — минуту, другую, третью...

Техничные и мертвые движения. Он где-то здесь, он смотрит на нее.

Техничные и мертвые движения — перед ним, умеющим жить, танцуя, и танцующим, словно бы в этом была вся его жизнь.

Техничные и мертвые движения. Банальность души...

Яркая вспышка света и тишина. Последней ее мыслью была странна фраза: «Если мне незачем жить, то пусть уж лучше я умру от своего яда».

\*\*\*\*\*

От напряжения и резкой боли в ногах Аня потеряла сознание. Смерть не решилась забрать ее душу, лишь проигралась с ней. Смерть — странная штука. Когда ты ищешь с ней встречи, она прячется. И приходит только тогда, когда ты совсем не ожидаешь ее визита.

Аня хотела умереть, она хотела умертвить себя своим «ремеслом», замучить себя. После разговора с Максимом она отчетливо поняла, что пути назад нет, а чтобы идти вперед нужно сначала умереть.

В таких случаях люди часто решаются на отчаянные поступки. И Аня его совершила. А Максим не мог не понять и не оценить этого. Иногда, если ты хочешь прочувствовать бессмысленность чего-то в твоей жизни, ты должен довести это до предела, до крайней точки.

Ночь особенно темна перед рассветом. Аня вошла во тьму, и Максим дал ей свет.

Аня очнулась у него дома на диване, укрытая теплым шерстяным пледом. Максим спал в кресле напротив. Видимо, он смотрел на нее всю ночь, ждал, пока она очнется. Теперь на его лице играла улыбка. Аня отчетливо поняла: ему снится сон — они вдвоем, счастливые и танцующие.

Утреннее солнце, словно молоко из деревенской крынки, лилось через открытое окно в комнату. Где-то вдалеке пели птицы, шумели кроны деревьев. Аня тихо поднялась с дивана и подошла к Максиму. Он был прекрасен, осененный этим солнечным светом.

Завороженная, не смея прикоснуться к Максиму даже кончиками пальцев, Аня погладила вокруг него воздух, повернулась на носках и вышла из квартиры.

Этим вечером она была в ангаре. Он стал ее учителем танцев.

\*\*\*\*\*

Любовь — это танец, самый красивый, самый завораживающий танец на свете. Настоящей любви не нужны слова, для нее важно присутствие. Тот, кто любил, знает, что такое физическая близость любимого человека. Ощущать, что он рядом, что он туг — это несравненно больше, чем верить его красивым словам и пламенным клятвам.

Танец — это близость, а близость — это любовь. Они любили друг друга, танцуя.

Нет, Максим совсем не сразу ответил на чувства своей ученицы. Он дал ее чувству время созреть. Он дал возможность Ане стать собой, понять, различить себя в той любви, которую она испытывала. Он сам любовался тем, как она преображалась, питаясь своей любовью к нему.

Танец — это всегда двое. И один не может быть сильнее или ценнее другого.

Сначала Аня не понимала этого поведения Максима, а потом оценила. Случись у них что-то при первой же встрече, что бы она знала о своих чувствах? О том, что она способна чувствовать? О том, что есть в ней и как прекрасна она сама, когда любит? Нет, она бы ничего этого не узнала. Никогда.

Она бы сосредоточилась на своих отношениях с Максимом. Носилась бы со своей страстью, как с писаной торбой. Считала бы Максима обязанным ценить ее чувство, обижалась бы на него. Ей казалось бы, что он не чувствует благодарности за то, что она его любит. А ведь это любящий должен благодарить возлюбленного за свое чувство.

Если бы Максим сразу пошел ей навстречу, он бы обеднил ее душу, он бы лишил ее счастья знать всю глубину, всю силу ее собственного чувства, своей души. Но в танец нельзя вступить раньше, нежели того потребует музыка. И нужно быть внутренне готовым к танцу, нужно быть переполненным, чтобы танцевать.

Танец — это мера и такт переполняющего тебя, сдерживаемого и льющегося через край чувства. Аня и Максим любили как божества — со священным трепетом, защищая и оберегая друг друга.

\*\*\*\*\*

Полгода назад Максим стал ощущать странную, не знакомую ему прежде слабость в ногах. Конечно, поначалу он не придал этому никакого значения. Утомление, нагрузки, много выступлений... Мало ли что?

Но когда он стал запинаться на ровном месте и падать, все озаботились. Аня настойчиво требовала от него, сходить к врачу. Максим отказывался, словно предчувствовал, что ничего хорошего это ему не сулит.

Так и вышло. Медицинское обследование заняло какое-то время — анализы, специальные тесты, томограф. Вердикт врачей был однозначен — рассеянный склероз. Если бы Максиму сказали — СПИД, рак, чума, это бы не произвело на него такого впечатления.

Умереть — это не страшно. Жить и не иметь возможности танцевать, а именно это — слово в слово — означал диагноз рассеянного склероза, для Максима означало пожизненную, чудовищную, нечеловеческую пытку.

В сущности, никчемная болезнь. Поражает молодых людей, жить с ней можно долго и относительно счастливо. Просто в мозге образуются зоны, через которые прекращается передача нервных импульсов. Безделица! Одна проблема — с ней нельзя танцевать!

Весь мир Максима рухнул в одночасье, в одно мгновение. Его, как маленькую деревушку у подножья гор, стерло с лица земли селевым потоком.

— Это пройдет?! Это пройдет?! — бессмысленно повторял Максим, опираясь на палку двумя руками и глядя на врача в упор, уже заранее зная ответ.

Невропатолог потупил взор, перемялся с ноги на ногу:

Болезнь течет — от обострения к обострению, будут и светлые промежутки...

— Это пройдет?! — голос Максима со рвался на крик. — Это пройдет, я спрашиваю?!

Врач поднял на Максима глаза и посмотрел на него с испепеляющей жалостью:

— Цветочки от ягодок, я думаю, отличить можете? Это — цветочки.

Максим опешил.

— Смиритесь с этим. Дальше будет только хуже. Так что уж лучше сразу это принять. Простите меня, я должен идти, — сухо добавил врач, повернулся и пошел по больничному коридору, оставив Максима один на один с его отчаянием.

Первый приступ болезни был очень тяжелым. Слабость в ногах нарастала с каждым днем. Максиму все труднее и труднее давались обычные шаги. Тремор усиливался, руки не держали даже легких предметов, зрение ухудшилось. Его мучили неприятные, крайне болезненные ощущения во всем теле, особенно в ногах.

Несмотря на сопротивление Максима, Аня добилась госпитализации. Оказалось, что не зря — начались инфекционные осложнения. Максима лихорадило, давление скакало вверх-вниз, начали отказывать внутренние органы. Врачи уже стали подозревать у него злокачественное течение болезни.

Аня проводила с ним круглые сутки. Из сильного и уверенного в себе мужчины Максим превратился в ребенка, который нуждался в полном уходе.

— Ты не должна со мной сидеть. Я справлюсь сам, — Максим повторял это, как

испорченная пластинка.

Аня видела — ему стыдно и неловко за себя. Но главное — он не хотел ее утруждать. Никто не обязан ходить за ним, тем более — она. Она должна жить, у нее должна быть своя жизнь. Она не может стать его сиделкой, это неправильно и нечестно.

Аня слушала все это, пропуская мимо ушей. Даже если бы Максим превратился в абсолютную развалину, лишенную способности не только двигаться, но и думать, она все равно осталась бы с ним — до его последней минуты, до последнего его вдоха.

Это ей было нужно.

Максим сопротивлялся болезни изо всех сил, боролся и спустя пару месяцев добился результата. На какое-то время недуг отпустил. Едва встав на ноги, Максим вернулся к своему обычному графику — танец, танец и снова танец. Утром, днем, вечером.

Врачи возражали категорически: — Вы имеете на него влияние, — говорили они Ане, всем своим видом указывая на безумие и неадекватность Максима. — Пожалуйста, запретите ему вести такой образ жизни. Физические нагрузки, столкновение с инфекциями... Все, что он делает, должно быть прекращено, немедленно! Это факторы риска! Снова будет обострение, а если оно будет в ближайшее время, он просто станет инвалидом! В полном смысле этого слова!

Аня слушала их, кивала головой и одновременно с этим понимала — Максиму она этого не скажет. Ему нельзя запретить танцевать. Это безумие, он умрет, как рыба, выброшенная океанской волной на песчаный берег. Замкнутый круг.

Ее просьбы, ее мольбу он называл «эмоциональным шантажом»:

— То, что ты любишь меня, не дает тебе никакого права командовать мною, — говорил Максим, глядя ей прямо в глаза. — Я люблю тебя, пойми. Но я должен танцевать, должен. Это не обсуждается. Ничего со мной не случится, все будет нормально. Пожалуйста, только не плачь.

И она держалась, она не плакала. Но скрыть свою муку, свою боль Аня тоже не могла. Он решил во что бы то ни стало расстаться с ней. Нет, он не хотел от нее избавиться — он не считал себя в праве портить ей жизнь.

Как он не понимает, что есть только один способ испортить ей жизнь — это отдалить ее от себя?..

\*\*\*\*\*

— Сейчас Аня сидит в партере, Максим танцует на сцене.

Сегодня с самого утра он чувствовал себя хуже обычного. Конечно, он не проронил ни единого слова на этот счет. Но разве можно скрыть от нее, что он чувствует? Нет. Она все видела и все поняла — новое обострение болезни.

Максим как всегда прекрасен и танцует так, словно бы на него не распространяется закон всемирного тяготения. И только одна Аня во всем этом огромном зале понимает, каким трудом, какой болью дается ему сегодняшнее выступление.

Сейчас все закончится, и она увезет его домой, увезет, спрячет, выходит. Почему его нельзя связать по рукам и ногам и приковать к постели. Поскорее бы уже конец, поскорее...

Да, музыка неумолимо движется к финалу. Еще чуть-чуть, совсем чуть-чуть — и все.

Максим делает последний прыжок и разворачивается в воздухе с такой легкостью, как будто у него сзади приделаны крылья. На мгновение он замирает в воздухе — «стоп кадр». Сцена вздрагивает, когда на последнем такте его тело с грохотом обрушивается на пол.

Зал взрывается овациями. Занавес опускается. На поклон Максим не выходит.

Аня все поняла...

*Максим потерял сознание в последнем прыжке.*

*Он шел к нему, словно сотню километров вброд.*

*Силы оставляли его, и он ждал последнего такта.*

*Ждал, продолжал танцевать и молился.*

*Это испытание было невыносимым.*

*И оно закончилось.*

*Как только Максим понял это, его сознание погасло, как перегоревшая лампочка.*

*Максим обнаружил себя на странной лестнице.*

*Она шла, разветвляясь во все стороны, вверх и вниз, теряясь в бесконечности. Лестница-лабиринт.*

*Куда бы Максим ни взглянул, кругом были лестницы.*

*Опешив и простояв так с минуту, он сделал шаг вперед и стал спускаться по одной из них.*

*В следующий момент что-то стало происходить с его сознанием.*

*Оно рушилось, складывалось, словно гигантский небоскреб, подвергнувшийся террористической атаке.*

*Через мгновение от прежнего Максима не осталось и следа.*

*Только ощущение своего «я», своей души, прочее — было иным.*

\*\*\*\*\*

Ночное небо в багряном зареве. Насколько хватает глаз — все пространство, бывшее еще вчера Римом, охвачено огнем. Никогда прежде этот великий город, похожий сейчас на гигантский костер, не знал подобного бедствия.

Потоки пламени, наподобие морских волн, сбегали с римских холмов в долины, пожирая дома, лавки, амфитеатры и хозяйственные постройки. Кровавое сияние озаряло собой дальние холмы, селения, виллы, храмы, памятники и акведуки.

Сколько людей гибло сейчас в этом пекле? Они сгорали заживо, задыхались в дыму, сами бросались в огонь, не желая жить, зная о смерти своих близких. Невозможно даже представить. Над городом парил ангел смерти.

Смятение и паника все возрастали. Жители Рима бежали из всех городских ворот за его пределы. Жители окрестностей, привлеченные картиной пожара, напротив, устремились к городу. Сотни тысяч людей скопились у стен Рима. Они смотрели на огненное зарево и бессмысленно причитали, потрясенные и раздавленные увиденным.

Нерон, окруженный сенаторами и преторианцами, стоял на аркадах акведука, облаченный в пурпурную тогу, в золотом лавровом венке и с золотой лютней в руках. Он созерцал бушующую стихию огня, пожирившую Рим.

Как хороша была эта его задумка — поджечь Рим! Что такое пожар захолустной Трои в сравнении с горящим Римом! Пустышка! А что такое Гомер, воспевший горящую Троию?! Теперь — никто! Сейчас он — Нерон — будет воспевать погибающий Рим!

Император наполнился восторгом. Перед ним зарево огня, под ним — ревущее море людей, а он один возвышается над этим потоком! Да, сейчас Нерон упивался своим величием, своим гением. Пройдут тысячелетия, но люди никогда не перестанут прославлять стихотворца, воспевшего падение Рима!

Нерон начал декламировать свои стихи, написанные еще до поджога. Впрочем, его голос был едва слышен в гуле пожара и гомоне многотысячной толпы. Он ударял по лютне, но та издавала только жалобный стон. Хор певчих, расположившихся неподалеку, подхватывал слова императора. Но и их голоса таяли в шуме горящего города.

И все же император растрогался собственным творением и начал импровизировать. Прозвучало несколько строк, навеянных самим пожаром. И тут Нерон запнулся, начал искать слова. Свита растерялась и, не зная, что предпринять, грянула громом рукоплесканий.

— Все хорошо, только милосердия не хватает, — донеслось до уха императора.

Нерон повернул голову. Это говорил сенатор Максимилиан. Император уже давно собирался известить этого вольнодумца, но пока не нашел подходящего случая. Теперь, кажется, он представился.

— Милосердия? — Нерон поднял одну бровь, холодный огонь блеснул в его маленьких глазках. — Значит, правда, что мне донесли? Ты водишься с христианами?

— Я слушаю всех, кто говорит об истине, о лучезарный! — ответил Максимилиан и слегка склонил перед императором голову.

Последователи этого еврея говорят об истине?! — зло рассмеялся Нерон. — Ты, верно, решил меня позабавить! Спасибо тебе, мой друг! Но своими речами ты навлечешь на себя кару олимпийских богов!

Если Юпитер позволяет тебе, о божественный, сжечь город, который находится под его покровительством, я думаю, он не сильно разгневется на меня за мое внимание к христианскому учению. На глазах у всей знати Рима Максимилиан отвесил Нерону хлесткую пощечину.

Обрюзглые щеки императора распались. Жестокость Нерона в последнее время не знала границ. Он стал похож на параноика — не пожалел ни своих друзей, ни своих родственников, ни супругу.

Попасть в немилость к императору — означало неминуемую смерть. Как мог Максимилиан решиться на такой поступок?! Сенаторы, стоящие возле него, инстинктивно подались назад, испуганные самим фактом присутствия при этом разговоре.

\*\*\*\*\*

Нерон выдержал паузу, сощурил глаза и едко улыбнулся: — Ты хочешь посостязаться со мной в философии? Хорошо, я люблю состязания. Ты считаешь Христа более могущественным богом, нежели Юпитер? Не так ли? Что ж, я посмотрю, как ваш Христос позволит мне расправиться с его последователями.

Граждане Рима заслуживают вознаграждения за доставленное мне удовольствие. И они его получат. С сего момента я повелеваю считать христиан виновниками этого пожара. Показательные казни христиан будут этим вознаграждением.

— А твоя смерть — будет моим! Император тоже заслужил вознаграждение.

Сказав это, Нерон позвал к себе красавца Петрония — своего приближенного, и бритоголового Флава — начальника преторианцев:

— Петроний, сообщи народу, что в поджоге Рима виновны христиане. За это они будут жестоко наказаны императором. Пусть народ ликует — это ему понравится! Хлеба и зрелищ! Флав, арестуй Максимилиана, он — христианин, а потому и он виновен в сожжении Рима!

В толпе сенаторов послышался недовольный шепот. С Максимилианом могли в чем-то не соглашаться, с ним могли спорить, но его уважали. Он действительно был предан поискам истины. И нет ничего странного в том, что он интересовался новым учением, которое в последнее время обрело в Риме такую большую популярность.

Наконец, ни для кого из сенаторов не было секретом, что Рим подожгли по личному приказу Нерона. Император искал художественного вдохновения — это было истинной причиной пожара. С политической точки зрения обвинить в этом христиан было неплохой идеей. Ведь христиане неблагонадежны. Но все же, все же...

Нерон недовольно посмотрел на сенаторов:

— Каждого, кто был замечен в связи с христианами, постигнет жестокая кара! Смерть поджигателям Рима!

— Смерть поджигателям Рима! — подхватили преторианцы — личная охрана Нерона.

Сенаторы мгновенно притихли. Ужас скользнул по их лицам. Каждый подумал в этот

момент о себе. У кого-то жена ходила и слушала проповеди христианских пророков, у кого-то дети втайне приняли крещение.

Если бы не грохот полыхающего города, то Нерон услышал бы, как от страха у них застучали зубы. Впрочем, на это он и рассчитывал. Фокус удался.

Тем временем Петроний уже спустился с акведука и огласил народу волю императора.

— Смерть христианам! Смерть поджигателям Рима! Слава императору! — донеслось снизу многоголосое эхо обезумевшей толпы.

\*\*\*\*\*

Максимилиана заключили в тюрьму для личных врагов императора. Личные враги Нерона — люди достойные. А потому и место их заключения не было столь ужасным, как тюрьмы для черни. Даже в таких делах Рим был болезненно щепетилен — сословие и положение гражданина считалось до самого момента его казни.

Сенатор искренне считал, что у Нерона нет чувства юмора. Император был слишком глуп и поверхностен для этого. Но эта шутка ему удалась! Максимилиан не только не был христианином, напротив, он относился к новому учению весьма скептически. Он видел смысл своей жизни в поисках истины, но учение последователей Христа не было для него безукоризненным с философской точки зрения.

Впрочем, обвинение Максимилиана в христианстве, а самих христиан в поджоге Рима было для Нерона только предлогом. Он давно искал случая расправиться с последователями нового учения, чтившими не «божественного императора», а какого-то там бедного еврея. Искал и нашел. А если уж предлог найден, то почему бы не применить его и к опальным сенаторам?..

— Не просите у Господа ничего, кроме прощения грехов ваших, — говорил Петр. — Скажите Господу в сердце своем: «Отними у меня все, Господи, но только укрепи веру мою!» Ибо терпящие бедствия и страдания, гонения и нищету наследуют Царствие Небесное!

Вкратце же тезисы нового учения были очень просты: земная жизнь человека — есть лишь приготовление к жизни загробной; нужно избегать греха, насколько это возможно; но главное — любить Господа, который уже искупил все прегрешения человеческие своей мученической смертью.

В чем-то Максимилиан даже завидовал христианам. Его умиляла эта их наивная вера, будто бы чья-то кровь, пусть даже и божественная, может искупить ошибки другого человека. В этом Максимилиан видел нарушение главного закона Вселенной — закона личной ответственности.

Ему казалась парадоксальной мысль, что любовь дает человеку право возложить ответственность за свои поступки на возлюбленного. Это звучало примерно так: «Я тебя люблю, Господи, поэтому ты должен...» Нет, если бы христиане действительно любили своего Христа, они бы никогда так не думали.

По настоящему любящий мечтает о том, чтобы заботиться о своем возлюбленном. Он думает о том, что он сам может сделать для любимого существа, а не о том, как это любимое существо может ему поспособствовать. Искать же в нем спасения или заступничества перед высшими силами — это, по меньшей мере, малодушие.

Однажды, прогуливаясь по ночному Риму, Максимилиан заметил юношу. С год назад сенатор тайно присутствовал на обряде его крещения и удивился, увидев, как тот развлекается с проституткой.

— Луций, — обратился к нему Максимилиан, — что ты делаешь? Разве этому тебя учит Христос?

Луций слегка смутился, подошел к сенатору и прошептал ему на ухо:

Достопочтенный сенатор, как ты прав! Как ты прав! Но что мне делать? Я же молод, а Бог зачем-то наделил меня страстью к этим милашкам. Но ведь Христос — Бог прощения. Я



покаюсь, и Он простит мне прегрешения этой ночи.

Воистину, твой Бог — Бог милосердия! — ответил ему Максимилиан. — Ни один из олимпийских богов не простил бы смертному нарушения своих заветов.

«Мы нищие, мы бедные, мы несчастные и обездоленные, мы грешники, и за это Господь любит нас!» — говорили христиане.

«За это?» — спрашивал себя Максимилиан.

Где-то тут скрывалась ошибка, которую Максимилиан, несмотря на все усилия, так и не мог понять.

\*\*\*\*\*

Кровопролитные игрища были для жителей Рима любимым развлечением. И ужас пожара, который продолжался целую неделю, сменился теперь предвкушением восторга. Тысячи христиан должны были, по приказу императора Нерона, погибнуть на аренах амфитеатров, доставив тем самым невиданное удовольствие римлянам.

Подготовка к представлениям шла полным ходом, и народ ждал их с нетерпением. От желающих помочь стражам в розыске христиан отбоя не было. Впрочем, это и не составляло никакого труда. Христиане до сих пор не скрывали своего вероисповедания, жили среди других римлян, ходили по тем же улицам, отдыхали на тех же биваках.

Когда христиан арестовывали, они почти не оказывали сопротивления. Многие падали на колени и пели странные гимны своему Богу. Злость народа от этого не становилась меньше. Напротив, это только ожесточало толпу. Гонителями овладевало бешенство. Тысячи людей бегали по всему городу в поисках будущих жертв.

Несчастных находили среди руин, в печных трубах, в подвалах. Облавы устраивались там, где христиане встречались для своих молитв и обрядов — в карьерах за городом, на Аппиевой дороге, в пригородных виноградниках патрициев-христиан. Случалось, что толпа отбивала христиан у преторианцев и разрывала их на части голыми руками.

Римские амфитеатры, построенные в основном из дерева, сгорели во время пожара. Поэтому Нерон приказал строить новые. Эти лобные места росли по всему Риму, как грибы после дождя. По Тибру доставлялись могучие древесные стволы, тысячи работников днем и ночью трудились на стройках, работы велись без передышки.

Знаменитые зодчие Север и Целер употребили все свои знания, чтобы построить главный амфитеатр, превзошедший своими размерами и великолепием прежние. Народ рассказывал чудеса о поручнях, выложенных бронзой, янтарем, слоновой костью, перламутром и панцирями заморских черепах.

Говорили, что специальные системы орошения воздуха, устроенные в этом амфитеатре, избавят зрителей от жары. Курильницы с аравийскими благовониями, шафраном и вербеной устранят запах гниющих тел и паленого человеческого мяса. А колоссальный пурпурный веларий защитит зрителей от солнечных лучей.

Христиан планировалось умерщвлять самыми разными способами — в поединках с гладиаторами, на крестах, огнем, а также — бросая их на съедение диким животным. С этой целью в Рим со всех концов империи везли тигров и львов, диких буйволов и туров, нильских крокодилов, пиренейских волков и медведей, молосских псов.

Рим ликовал: «Хлеба и зрелищ!»

\*\*\*\*\*

Сенатор Секст подкупил охрану и, в нарушение строгого запрета на посещение Максимилиана, встретился со своим другом, Максимилиан, — вскричал Секст, едва двери темницы за ним закрылись, — черная тень легла над Римом! Боги отвернулись от нас! Это какое-то проклятье! Все сошли с ума!

— Секст, дружище! — Максимилиан обнял его с нежностью. — Ну что ты такое говоришь? Успокойся. Чтобы сойти с ума, нужно, чтобы он был. Ни император, ни народ этой безделушкой пока не обзавелись. Так что ты все преувеличиваешь.

— Максимилиан, ты еще способен шутить!

— Секст в отчаянии сел на каменный выступ возле окна. — Рим сторел, казна опустошена безмерными тратами, сенат находится в панике, ожидая репрессий, народ и вовсе обезумел. Скоро христианами будут считать даже тех, кто когда-либо встречался с ними глазами! А ты все шутишь!

— «Терпящие бедствия и страдания, гонения и нищету наследуют Царствие Небесное!»

— Максимилиан процитировал слова апостола Петра и улыбнулся.

— Ну, право! — Секст поднял глаза на Максимилиана и не смог сдержать улыбки.

Максимилиан излучал такое внутреннее спокойствие, что Сексту стало даже как-то неловко за свое паническое настроение. Секст любил Максимилиана и считал его своим учителем. Поэтому, с тех пор как Нерон приговорил Максимилиана к смерти, Секст не находил себе места.

Уже на протяжении двух недель Секст разрабатывал планы спасения Максимилиана. Ждать милости от Нерона не приходилось. Впрочем, Максимилиан бы ее и не принял. Поэтому оставался только побег. Но Секст смог выторговать у охранников только эту встречу. Умирать богатым никому не хотелось.

— Максимилиан, я не могу думать о твоей смерти. Это изводит меня. Я не сплю и не ем. Я думаю только о том, что в скором времени тебя не станет. Я ломаю голову, надеюсь найти выход. Но все тщетно! Максимилиан, что я могу для тебя сделать?!

— Секст, — Максимилиан заговорил вдруг очень серьезно, — я, как ты знаешь, не христианин, я — стоик. Конечно, ныне это духовное звание опорочено болтливым Сенекой, воспитавшим нашего никчемного императора. Но что поделаться...

— И все же, я — стоик. И я верю, что мудрец, чьи суждения истинны, является единственным хозяином своей судьбы. То, что я почитаю — добродетель, справедливость, мою личную ответственность перед небом, — не может быть у меня отнято, и это моя судьба.

Никакие внешние силы не могут лишить меня моей добродетели, моего справедливого рассуждения, моей личной ответственности за мои поступки. Я — царь и господин своего внутреннего мира, и он неприкосновенен ни для императора, ни для черни.

— Меня можно убить, обесчестить, лишить всего, что я нажил за сорок пять лет жизни. Но в главном: я — город, который нельзя взять штурмом, нельзя сжечь или разорить. Рим — можно, а меня — нет. И поэтому я ничего не боюсь.

— Максимилиан... — нерешительно вставил Секст.

Несчастный, он все еще надеялся уговорить своего друга просить императора о помиловании. Но надежды таяли у него на глазах.

— Подожди, друг, не перебивай меня, — Максимилиан нежно коснулся руки Секста. — И вот я думаю. В Риме нет человека, который бы не боялся нищеты, болезней и смерти. Напротив, каждый римлянин мечтает о богатстве, здоровье и вечной жизни. Каждый мечтает о том, что в один прекрасный день он проснется в своей постели и будет свеж, здоров, бессмертен и свободен от мыслей о хлебе насущном. Но вот я стою сейчас на пороге смерти. И что мне теперь бедность или болезни? Что мне смерть, наконец, если я знаю, что уже фактически умер?

— К чему ты клонишь, Максимилиан? — Секст чувствовал, что его сердце не выдержит. Мысль о предстоящей смерти Максимилиана внушала ему ужас.

Тысячи христиан погибли на потребу толпе. Нерон, сам того не понимая, заставит всех в мире говорить о христианах. Так что в скором времени это учение приобретет массу последователей. Возможно, когда-нибудь весь мир будет поклоняться Христу. Благо это учение

звучит просто и не требует от человека многого.

Но дело не в этом. Христос учит, что бедность и болезни — ерунда и даже благо, что страдать из-за этого глупо. Более того, христиане радуются смерти, поскольку она приближает их к Богу. Теперь представь, что у римлян отнимут их страх перед бедностью, болезнями и смертью... Ты думаешь, они станут счастливыми?

Боюсь предположить... — Секст оказался в замешательстве. — Мне кажется, нет.

— Я так думаю! — воскликнул Максимилиан.

— И... — протянул Секст.

— Здесь ошибка! Я — римлянин, лишенный страха перед бедностью, болезнями и смертью.

Единственное мое отличие от христианина в том, что я не верю в Христа. В том смысле, что мне безразлично, искупал он мои грехи или нет. Я старался жить правильно, и если допустил какие-то ошибки, то готов за них расплатиться.

Поэтому мне не кажется, что вера в Христа что-либо изменила бы в моем ощущении жизни. Итак, все в этой задачке сделано правильно, но я страдаю, Секст! Я невыносимо страдаю! И знаешь почему?!

— Почему?! — Секст выглядел растерянным и подавленным.

— Потому что я не знаю, в чем смысл страдания!

— В чем смысл страдания?.. — эхом повторил Секст.

Да! И христиане, и римляне, поклоняющиеся богам Олимпа, все они пытаются уверить меня в том, что смысл страдания — в избавлении от страдания. Но это бессмыслица! Абсурдная, глупая, лишенная какой-либо логики бессмыслица!

Секст понял, наконец, что мучает его друга. Нет, Максимилиан столкнулся не со смертью, которой он не придавал никакого значения. Он стоял перед непреодолимой стеной истины. Истины, которую ему уже не суждено было узнать.

Чаша песочных часов, которая отсчитывает его срок, стремительно пустеет, а истина так до сих пор и не открылась ему. Всю свою жизнь Максимилиан искал эту истину, и теперь, когда он мог коснуться ее, она оказалась вещью в себе.

Внезапно дверь камеры открылась: — Сенатор Секст, вы должны немедленно покинуть тюрьму! — прошептал вбежавший в камеру охранник, лица на нем не было. — У ворот император!

\*\*\*\*\*

Максимилиан, дорогой! император воздел руки вверх, словно испытал безмерное счастье от своей встречи с сенатором.

Нерон обожал подобные представления. Он находил особенный восторг в проявлении всяческого расположения к тому, кто должен был в скором времени умереть по его приказу.

Максимилиан положил свои цепи на пол тюремной залы для церемоний и устало посмотрел на юродствующего Нерона:

— Чем обязан?

— Ну, зачем так официально?.. — протянул нараспев император. — Я соскучился, за хотел повидаться, оказать какую-нибудь милость... Ты ведь не откажешься от какой-нибудь моей милости? А, Максимилиан?

Нерон получал особенное наслаждение, когда отказывал в помиловании осужденным. Он взял себе за правило всегда в таких случаях отпускать какую-нибудь остроту. Сейчас он надеялся повернуть такую штуку с Максимилианом.

Сенатор лишил его этого удовольствия:

— Я вполне счастлив, чтобы обременять тебя, о лучезарный.

Ты можешь выбрать себе какую-нибудь особенную смерть?.. Как ты хочешь умереть,

Максимилиан? — Нерон все еще надеялся поиграть с сенатором в кошки-мышки.

Разве это имеет значение? — Максимилиан поднял на Нерона полные неподдельного удивления глаза.

Сенатор лишил Нерона его последнего развлечения.

Он невыносим! — простонал император, обратив взор к своей свите.

Прими мои соболезнования, божественный! — улыбнулся Максимилиан, и в этой улыбке было подлинное соболезнование глупости и поверхностности императора.

Я сам выберу ему смерть! Очень хорошо! — голос Нерона задрезжал от гнева. — Ты еще пожалеешь о своем недостойном поведении, Максимилиан!

Сопровождавшая императора свита затряслась от панического страха. Ничего хорошего от Нерона, находящегося в таком расположении духа, ожидать не приходилось. Теперь император будет искать жертву, чтобы сорвать свою злость. И не успокоится, пока на ком-то не отыграется.

—Кстати... — Нерон обвел взглядом свиту, повернулся к Максимилиану и прищурил свои маленькие глазки. — А ведь у нас еще есть милая, юная воспитанница — Анития! Да!

Как же это я сразу не подумал об этом?! Знаешь, Максимилиан, я почему-то уверен, что она тоже христианка...

Сенатор побледнел от ужаса.

*Максимилиан потерял сознание.*

*Очнувшись, он обнаружил, что потолок его камеры изменил цвет.*

*Он стал белым... — Максим, ты меня слышишь?*

*Если слышишь, моргни, —*

*человек в белом халате водил рукой перед его лицом. — Нужно предупредить Анитию Она должна бежать. Немедленно.*

*— Что? — не понял доктор.*

*— Анитию, — прошептал Максим и снова потерял сознание.*

Данила выглядел напряженным, ходил по квартире взад-вперед.

— Что с тобой, Данила? — я уже и сам стал нервничать.

— Не знаю, Анхель. Не знаю. Непокойно мне.

Очень беспокойно.

— Может быть, что-нибудь... — я задумался, хотел что-то для него сделать, но что?

— Не знаю. Не знаю, — Данила повторял это «не знаю», как заведенный.

— Данила... — протянул я. Он остановился посреди комнаты и посмотрел на меня отсутствующим взглядом. — Неужели возвращается? — спросил он через секунду, будто бы разговаривая сам с собой.

— Что возвращается? — не понял я.

— Ну, вечерний нервяк. Чеченский синдром...

— Данила, давай, может, прогуляемся? — других идей у меня все равно не было.

— Хорошо! — почти прокричал Данила и, схватив куртку, выскочил на улицу.

\*\*\*\*\*

Дома, улицы, перекрестки. Вечерние огни.

Шелест автомобильных шин по асфальту. Пустынно, темно и холодно. Я иду и думаю о том, что Даниле пришлось пережить в Чечне. От этих мыслей мне становится больно и еще холоднее.

Данила идет чуть впереди меня — сосредоточенный, напряженный, убрав руки за спину.

Он выглядит так, словно не может найти себе места, словно это его место украли. Он как шахматная фигура без доски, или на доске, но только для игры в нарды.

Что происходит в следующее мгновение, я не успеваю понять. Данила вдруг прыгает на проезжую часть и буквально вытаскивает из-под несущегося с бешеной скоростью автомобиля молодую, тоненькую, как тростинка, девушку.

— Ты что творишь?! — кричит он на нее. — С ума сошла?! Жить расхотелось?!

Все происходит так быстро, что я даже не успеваю понять суть произошедшего. Данила грозно смотрит на нарушительницу правил дорожного движения, оправляет сбившуюся куртку и продолжает двигаться дальше.

— Данила, — я догоняю его. — Что случилось?

— Да какая-то сумасшедшая чуть под машину не попала. Задумалась, наверное, — отвечает Данила, все такой же зашоренный, погруженный в свои воспоминания.

Мы идем дальше. Теперь я думаю, что отпускать Данилу от себя небезопасно. Натворит еще делов... У меня ощущение, что он себя не контролирует. Что-то с ним действительно не так. Все эта война...

Мы кружим и кружим по городским улицам. Вот вышли на набережную, идем вдоль чугунной ограды. Часы я забыл дома, но думаю, что сейчас уже хорошо за полночь. Совсем пустынно и даже дико от этого.

Вдруг где-то вдалеке замаячил силуэт. Человек всем корпусом перевешивается за чугунный поручень и, кажется, собирается сигануть в ледяную воду. Или, может быть, просто что-то выглядывает в темноте реки?..

— Ну что это такое?! — не своим голосом кричит Данила и бросается вперед.

Человек — кто именно, трудно понять, то ли женщина, то ли подросток — замечает его стремительное приближение, прекращает свои гимнастические упражнения, ставит ноги на землю и бежит прочь, скрывшись от нас в ближайшем переулке.

— Сегодня что, в клубе самоубийц день открытых дверей?! — Данила смотрит на меня в

упор, словно бы я все это организовал. По том демонстративно разводит руки в стороны, резко роняет их вниз и продолжает движение.

Господи, что же с ним такое?! Еще никогда ничего подобного не было. Сам не свой... Если бы я не знал другого Данилу, то решил бы, что провожу время с каким-то отчаянным психопатом.

Мы ходим кругами еще с полчаса или больше. Я — человек, мягко говоря, не привыкший к русским морозам, — продрог самым чудовищным образом и вдобавок ко всему просто физически вымотался. Да и на душе у меня неспокойно.

Вдруг Данила останавливается и поворачивается ко мне. Почти с испугом я смотрю ему в глаза, но вижу, что его остекляненный до этого взгляд, наконец, переменялся. Он смотрит на меня с теплотой и заботой:

— Ты совсем замерз, — говорит он с растерянностью и какой-то даже опустошенностью внутри. — Прости. Прости меня, Анхель. Что-то я...

Я вижу, как он собирается с силами.

— Что? — не выдерживаю я.

— Боюсь, я сам не справлюсь.

— В смысле?..

— Надо мне таблетки купить...

У меня в голове проскальзывает страшная мысль — «Наркоман?!» Но я гоню ее от себя и, как ни в чем не бывало, переспрашиваю:

— Данила, какие таблетки?

Он в нескольких фразах рассказывает мне о своем единственном визите к психиатру — сразу по приезде из Чечни. Судя по всему, осадок от этой встречи у Данилы остался неприятный, но таблетки, которые ему тогда назначил врач, действительно помогли.

— Хорошо, пойдем, купим эти таблетки, — отвечаю я.

Сейчас бы уж — хоть что, только бы он почувствовал себя лучше и успокоился.

Мы берем курс на круглосуточную аптеку и оказываемся там уже через несколько минут. В ней пусто, только одна какая-то припозднившаяся покупательница. Она отходит от прилавка с большим кульком лекарств, поднимает голову, встречается глазами с Данилой и роняет попку.

\*\*\*\*\*

— Кто вы?! Почему вы к меня преследуете?! — лицо молодой красивой женщины искажено судорогой страха.

— Это не мы вас преследуем, это вы нас преследуете! — вскипает Данила. — Вы что, специально решили именно на наших глазах с собой покончить? Что у вас за лекарства?! Теперь отравиться решили, да?!

До меня начинает медленно доходить... Эту девушку Данила вытащил сегодня из-под машины и спугнул потом, когда она собиралась сигануть в ледяную воду. И теперь уже тут, в аптеке — третья к ряду «случайная» встреча!

— А вы что такое делаете?! Какие вы ей лекарства продали?! — Данила перевел разгневанный взгляд на полноватую, добродушную, слегка сонную женщину-фармацевта. — Вы хоть понимаете, зачем она такую авоську таблеток накупила?!

— Но... я... ведь... — аптечная работница рассеянно смотрит то на девушку, то на Данилу и пытается подобрать нужные слова. — Она сказала, что бабушке... Бабушке плохо...

— Когда бабушке посреди ночи плохо — «скорую помощь» вызывают! — отчитывает ее Данила, а та вытягивается перед ним по струнке, словно держит отчет перед начальником контрольно-ревизионной комиссии.

— Сумасшедший дом! — резюмирует Данила.

Девушка заливается слезами и, оставив разлетевшиеся по полу лекарства, выбегает из аптеки. Я смотрю на Данилу, Данила смотрит на меня. И у меня нет никаких сомнений — я читаю его мысли, а он читает мои — «Избранная. Третья скрижаль».

Следом за девушкой мы пулей вылетаем из аптеки.

\*\*\*\*\*

Третий час ночи. Полупустое кафе. Она сидит напротив нас и плачет навзрыд, перемежая свои рыдания обрывками фраз. Мы до сих пор не знаем ее имени и не понимаем причину, которая заставила эту красавицу трижды за вечер покушаться на свою жизнь.

— Зовут-то тебя как? — в который раз спрашивает Данила.

— Аня, — отвечает она наконец.

Из ее путаных, разрозненных фраз у меня в голове постепенно складывается картинка. Аня уже три года как влюблена в какого-то человека. Он старше ее и, видимо, какой-то достаточно известный или, по крайней мере, очень талантливый танцовщик. Аня была его ученицей, а потом у них начался роман.

Полгода назад у этого танцовщика, которого зовут Максим, начался рассеянный склероз. Лечение не дает ожидаемых результатов. Заболевание снова обострилось и, судя по всему, танцевать Максим уже больше не будет. Аня попросила врачей не говорить ему об этом. Иначе, как ей кажется, он просто не выкарабкается.

При этом сама Аня находится в отчаянном положении. Она любит Максима, как никогда и никого в своей жизни не любила. Но Максим в категорической форме требует от нее прекратить всякие отношения с ним. Сама Аня никогда на это не пойдет. Но он настаивает, и ей теперь кажется, что он просто ее не любит.

В реанимацию к нему Аню не пускают. Максим наотрез отказывается от ее визитов. С каждым днем его состояние только ухудшается, уже начались галлюцинации. Врачи полагают, что болезнь приняла злокачественное течение и уже затронула жизненно важные мозговые центры.

Максим утверждает, что его зовут Максимилиан, что он сенатор в Риме и что император Нерон приговорил его к смертной казни. Ему кажется, что если он умрет, то это спасет жизнь какой-то женщине. Поэтому он просит, чтобы врачи помогли ему поскорее умереть. В разговорах с Аней психиатр разводит руками и сыпет маловразумительными научными терминами.

Услышав про психиатра, Данила поморщился. А я вышел, наконец, из своей протрации и понял, что теперь моему другу никакие таблетки не нужны. Все, что с ним происходило сегодня, — просто новый вид его прежних видений. Нечто подобное он уже переживал, когда мы искали первые две Скрижали Завета.

\*\*\*\*\*

— Аня плакала и плакала — казалось, этому не будет конца. Данила посмотрел на меня, потом подсел к Ане и обнял ее. Она уткнулась ему в плечо, продолжая что-то бормотать:

— Зачем... Зачем я вас встретила?.. Зачем вы не дали мне умереть?.. Я так хочу умереть... Я так хочу умереть...

— Зачем? — тихо и нежно спросил ее Данила.

— Просто так! — чуть не крикнула Аня, отняла заплаканное лицо от его плеча и утерла слезы. — Просто не могу больше! Не могу, и все.

— Человек ничего не делает просто так, он все делает зачем-то... — Данила убрал с ее лица растрепавшиеся волосы. — Просто он не всегда понимает смысл того, что он делает. И это плохо, потому что, когда ты чего-то не понимаешь, ты можешь наделать глупостей.

Аня уставилась на Данилу. Было видно, что эти его слова заставили ее задуматься.

— Наделать глупостей, — протянула она. — Да, я делаю глупости. Ведь я не знаю... Не знаю, что мне делать.

— Ты не знаешь, зачем ты что-то делаешь, поправил ее Данила. — Тебе кажется, что ты видишь цель. Но ведь это не цель, это просто мираж, фантазия. Сейчас ты фантазируешь, что смерть избавит тебя от страдания. И, как ни странно, где-то глубоко внутри ты уверена, что это принесет тебе счастье. Странное, но счастье. А это неправильно, смерть принесет с собой только смерть. Да и избавление от страдания — это вовсе не счастье. Счастье лежит совсем в другой плоскости.

Аня смотрела на Данилу заворожено, как на человека, который знает о ней всю правду. Всю, до конца, без остатка.

— А мои мечты? — спросила она вдруг. — Я рисую себе разные картинки. Я вижу, как я счастлива с Максимом. Мы живем вместе, у нас красивый дом, много друзей. Он танцует, а я нянчусь с его ребенком. То есть с нашим ребенком...

Аня залилась румянцем и опустила глаза.

— Тебе кажется, ты думаешь о чем-то конкретном, но на самом деле ты думаешь об абстрактных вещах, — продолжил Данила. — Ведь важно не то, что будет происходить. Мы не можем контролировать жизнь, и неизвестно, как она сложится. Важно то, что у тебя внутри. И хотя ты думаешь о счастье, внутри тебя страдание. И пока оно у тебя внутри, ты не будешь счастлива.

— Так значит, все-таки я должна как-то избавиться от страдания? — спросила Аня.

— Тут подвох... — Данила оперся на руку, и я заметил, как какая-то странная тень скользнула по его лицу.

— Подвох? — мы с Аней произнесли это почти хором.

— Подвох. Нельзя хотеть, чтобы у тебя чего-то не было. Это как «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». С таким планом ничего не найдешь. Нельзя хотеть избавиться от страдания. Если ты ищешь избавления от страдания — ты бежишь от страдания, а оно тебя догоняет. Вы с ним словно в салки играете.

Повисла долгая пауза. Все мы втроем решали сейчас одну задачу. Мы думали о страдании и о том, как оно связано со счастьем. И связано ли? Данила сформулировал очень важные отправные точки, казалось, решение где-то совсем рядом. Но где? Не хватало какого-то одного элемента. Какого?

— Я думаю, что страдание, — сказал Данила через какое-то время, — это препятствие на пути к самому себе. Оно словно бы говорит: «Не смотри на себя, смотри на меня. Борись со мной, ведь я — твое несчастье». И это правда, страдание — это наше несчастье. Но счастье — это не отсутствие страдания, это что-то совсем другое...

— Второе препятствие, — прошептала Аня.

— В каком смысле? — не понял Данила.

— Первое — зависть. Второе — страдание, — «пояснила» Аня.

— Зависть — это тоже страдание, — по думал я вслух.

Аня и Данила уставились на меня.

— А вообще, что тогда не страдание, кроме счастья? — Данила, казалось, удивился этой своей мыслью.

— Вот и ответ, — сказала вдруг Аня, и на глазах ее лицо озарилось удивительным, завораживающим внутренним светом. — Это просто две разные дороги. Совсем разные! Все правильно! Остается только выбрать, по какой идти...

*Наступили неслыханно знойные дни и такие душные ночи, каких в Риме еще никогда не было.*



Чудилось, что сам его воздух насыщен безумием, кровью и насилием. Многие тысячи христиан были арестованы.

Тюрьмы переполнились, и в них свирепствовала лихорадка. Игры, учрежденные императором, еще не начались, а общие могилы, в которых обычно хоронили рабов, уже стали переполняться.

Народ, переживший ужас пожара, жаждал отмщения и благодарил императора за готовящееся справедливое возмездие. «Смерть христианам — поджигателям Рима!» — гулким эхом катилось по городу.

Предстоящие игры должны были затмить своим великолепием и числом жертв все прежние.

Секст был в отчаянии его ближайший друг, его учитель, человек, которого он любил всем своим сердцем и боготворил, приговорен к смерти. Это сделано предательски, зло, низко — как и все, к чему прикасается император. Максимилиан умрет.

Спасения нет. Все способы проверены, и ни один из них не дал результата — ни дворцовые интриги с заступничеством за Максимилиана любимцев императора, ни подкупы охраны, ни готовившийся Секстом, но так и не осуществленный штурм здания тюрьмы. Все бесполезно. Бессилие.

И вот, ко всему этому ужасу, самое страшное — капля, переполнившая чашу с ядом. Анития — любимица, воспитанница Максимилиана, дочь его погибшего друга — сенатора Ауция, схвачена, обвинена в пособничестве христианам, заключена под стражу и ждет казни в куникуле нового императорского амфитеатра.

Несмотря на все усилия, Секст так и не смог встретиться с Анитией. По случайности, один из его хороших знакомых был свой человек из числа служителей этого амфитеатра. Через него Сексту удалось передать девушке записку. Она ответила маленьким письмом, адресованным Максимилиану.

Как теперь доставить это письмо Максимилиану? Как повидаться с другом, может быть, в последний раз в своей жизни?

За прежний визит Секст выложил крупную сумму. На этот раз он предложил начальнику тюрьмы свою виллу и два больших виноградника. За все богатства мира этот пройдоха, привыкший зарабатывать на человеческой крови, не расстался бы со своим заключенным. Начальник тюрьмы слишком дорожил для этого собственной шкурой. Но устроить встречу с Максимилианом он мог. За виллу и два виноградника... Небольшая цена.

\*\*\*\*\*

Секст совершенно потерял счет времени, дни и ночи смешались в его сознании. Он совершенно разучился спать. Мысли о предстоящих казнях преследовали его, подобно страшным, голодным гарпиям.

Сенатор был прекрасным воином, ему не раз приходилось участвовать в сражениях. Он видел смерть, видел, как гибнут его боевые друзья. Кроме того, он был стойким, учеником Максимилиана, а потому смерть не могла внушить ему отчаяния.

Но слухи о задумках Нерона, мечтающего превратить смерть христиан в настоящий праздник крови, вызывали у Секста приступы тяжелой, надрывной тоски. Воображение рисовало ему чудовищные картины, и в каждой из них он видел Максимилиана.

Секст бессмысленно ходил по залам своей загородной виллы и кричал. Он уподобился раненому зверю, обезумевшему от боли, растерянному и подавленному. Такой внутренней опустошенности Секст еще никогда не испытывал. Сегодня к нему пришел человек, которого он однажды видел вместе с начальником тюрьмы. — Вы можете прибыть во второй половине

дня, — сказал посыльный и удалился так же внезапно, как и появился.

Почему встреча с Максимилианом состоится именно сегодня, Сексту стало понятно, когда он оказался в городе.

После пожара Рим вообще мало походил на самого себя. Он выглядел одновременно и как пепелище, и как территория гигантской стройки. Но сегодня издали он напоминал еще и лес. Вдоль всех главных улиц города рядами стояли просмоленные и увитые цветами столбы, сотни, тысячи столбов.

Ряды этих шутовских деревьев тянулись насколько хватало глаз — поднимались на холмы и спускались с них, огибали сохранившиеся постройки и окружали новые, только что воздвигнутые здания.

И к каждому из столбов было привязано по человеку. Аккуратно уложенные вязанки дров под ногами мучеников не оставляли никаких сомнений — император решил начать торжества с большого фейерверка. Роль живых факелов выполняют христиане.

Гирлянды из цветов, плюща и мирта украшали тела приговоренных — мужчин и женщин, стариков и детей. Празднество готовилось с исключительным размахом и вкусом. Все должно было выглядеть очень красиво.

Да, сегодня Нерон вряд ли нагрянет в тюрьму с инспекцией. До рассвета он будет колесить по ночному Риму в своей квадриге, в окружении сотен придворных, почтенных матрон, сенаторов и жрецов. Процессию окружают полуголые вакханки и музыканты, переодетые фавнами и сатирами.

Нерон и его народ будут довольны. Им будет весело.

\*\*\*\*\*

Максимилиан лежал на каменном полу с закрытыми глазами, словно мертвый. Он не шелохнулся, когда дверь его камеры с грохотом отворилась и начальник тюрьмы ввел в нее Секста.

— У вас не больше получаса, — услышал Секст за своей спиной.

Со стороны коридора прогремел засов.

— Максимилиан, — Секст сел рядом со своим другом и начал трясти его за плечи. — Максимилиан, очнись! Ты меня слышишь?! О боги, что же с тобой такое?!

Максимилиан медленно поднял веки. Две стеклянные пуговицы на тусклом, как маска, лице. Две пуговицы, смотрящие внутрь себя.

Увидев пустоту этих глаз, Секст уже более не мог сдерживать слез. Он разрыдался.

— Анития арестована? — тихо прошептал Максимилиан.

— Да, — ответил Секст, и стыдящийся своей слабости, и не желающий скрывать ее от своего друга.

— Не плачь. Со мной все в порядке. Я про сто должен избавиться от привязанностей. От всех привязанностей. Смерть нужно встретить достойно. Человек, в чьем сердце живет добродетель, не может отчаиваться на пороге небытия, — Максимилиан говорил ровно и спокойно, словно не о себе.

— Я боюсь, Максимилиан... Я не хочу думать, что ты умрешь... Объясни мне, почему?..

— Смерть — это пустота. Смерть — это когда ты теряешь все и становишься ничем. Кто не боится потерять, тот не боится смерти. Не бояться смерти — высшая добродетель. Нужно отказаться, Секст, тогда не станет страдания. Твоя жизнь будет счастливой, Секст, прислушайся к моим словам. Не отравляй свою жизнь страхом смерти.

— Да, Максимилиан, да... Ты прав... — Секст повторял и повторял эти слова словно заклинание, глотая слезы. — Конечно, ты прав, Максимилиан... Конечно... Я откажусь, конечно... Ты прав... Достойно...

Но на самом деле Секст вспоминал сейчас о казнях, которые, по слухам, ждали христиан. Он смотрел на Максимилиана и думал о том, какие муки ему предстоит пережить. Нерон не позволит ему умереть без мучений. Напротив, он сделает все, чтобы Максимилиан страдал до своей самой последней минуты.

— Я принес тебе яд, — сказал Секст после долгой паузы и достал из внутреннего кармана маленькую глиняную амфору.

Максимилиан улыбнулся ему в ответ:

— Спасибо тебе, друг. Но мы не будем бежать от смерти, даже если у нас есть шанс сделать это, идя ей навстречу.

Секст улыбнулся. Несмотря на всю отчаянность своего положения, Максимилиан продолжал оставаться прежним Максимилианом — сильным, уверенным в себе, но при этом нежным и исполненным великой заботой.

Максимилиан никогда бы не сказал Сексту: «Ты проявляешь слабость, друг. Ты предлагаешь мне бегство. Ты потворствуешь моему страху, потому что боишься». Нет, он сказал: «Мы не будем бежать от смерти, даже если у нас есть шанс сделать это, идя ей навстречу».

Секст спрятал обратно принесенную с собой амфору.

— Боги уготовили мне красивую смерть, Секст, — сказал Максимилиан. — Я умираю, потому что сказал то, что думал. Я умираю за самого себя. Это не подвиг, это просто красивая и достойная смерть. Порадуйся за меня. Сделай мне это одолжение.

И снова тишина. Гулкая тишина. Лишь время от времени ветер приносил с собой крики и шум римских улиц. Толпа предвещала скорое начало огненной феерии.

— Это от Анитии, — Секст вложил в руку Максимилиана письмо.

Максимилиан сжал записку и с благодарностью посмотрел в глаза Секста.

\*\*\*\*\*

Солнце опускалось за горизонт, и небо буквально плавилось в закатном зареве. Со всего Рима и его окраин к месту торжеств, устроенных в честь начала игр, уже стеклись сотни тысяч людей. Они пили вино, прогуливались вдоль улиц, уставленных красочными столбами, и с любопытством вглядывались в лица висящих на них христиан.

Никому и в голову не приходило, что поджигателей окажется так много. Казалось, целый народ вывесили сейчас на потеху Риму. Кто-то в толпе недоумевал — неужели и дети поджигали город? Кто-то узнавал среди приговоренных своих знакомых и не верил своим глазам — как может быть, что этот достойный человек совершил такое злодеяние?

Тем временем совсем стемнело. В небе заблестели первые звезды. Под барабанный бой появились солдаты. Легионеры в металлических нагрудниках линиями выстроились по периметру, окружив казавшееся бесконечным место торжеств. В толпе началось волнение — зачем столько солдат? Но вскоре люди позабыли и о солдатах, и о вине.

Раздались призывные трубные звуки. Воцарилась напряженная тишина. Рабы, стоявшие с факелами у каждого из столбов, приступили к делу. Прикрытая цветами и облитая смолой солома занялась ярким пламенем. Вязанки дров, объятые огнем, затрещали. Желто-красные языки взметнулись вверх, облизывая тела тысяч мучеников.

Отчаянные крики разрезали тишину. Смерть снова постучалась в ворота Рима.

Рты горожан открылись от ужаса. Глядя на это зрелище, они вспоминали недавний пожар. Город снова полыхал. Едкий дым жег глаза. Смердящий запах горящих тел вынуждал людей зажимать носы. А истошные вопли умирающих рассказывали им о нестерпимой боли. Картина праздника внушила зрителям страх и отвращение.

И каково же было потрясение римлян, когда во всем этом безумии, во всем этом аду они услышали пение! Умирающие, задыхающиеся в дыму, горящие живьем люди пели. Они пели

свои странные гимны, посвященные неизвестному богу, который допустил, чтобы его паства переживала такие муки. Они называют его милосердным?..

Зрители реагировали по-разному. Кто-то пытался выглядеть безразличным, кто-то причитал, кто-то плакал. Некоторые особенно пьяные хихикали и смеялись. Лавочник, торговавший всю жизнь персидскими тканями, надрывно хохотал. Может, рассудок его помутился, а может, он просто не нашел другого способа справиться со своим страхом. Так или иначе, но он смеялся, и его, видимо, очень забавляла собственная сентенция следующего содержания:

Христиане, вы говорите, что ваш бог — это бог любви, — кричал он, прохаживаясь мимо живых факелов. — Что же он не спасает вас?!

Седой старик, висящий на одном из столбов и казавшийся уже мертвым, вдруг поднял на него глаза. Из-за царящего вокруг шума голоса старика было не слышно, но несчастный дебошир прочел свой приговор по его губам:

Не думай о том, как горят наши тела, подумай о том, как будет гореть твоя душа — Столбы стали валиться, поднялся настоящий вой. Зрители поддались панике, началась давка.

\*\*\*\*\*

Отчаянные гомон толпы разбудил Максимилиана. Он поднялся с пола и подошел к зарешеченному окну. Тюрьма стояла на возвышении, еще недавно отсюда открывался прекрасный вид. Но сейчас сенатор наблюдал чудовищную картину — среди устрашающих, темных развалин колыхалось людское море, освященное огнями огромных факелов.

Максимилиану казалось, что все это ему просто мерещится. Гигантская медуза, выброшенная волной на берег, корчится в предсмертных судорогах. Он протер глаза, но видение не исчезло. И где-то совсем рядом звучал голос — словно какой-то человек читал по книге судеб страшное заклятие:

— И наступит час суда Его, и настанет конец времен, и померкнут звезды, и воспламенеет земля, и иссякнут источники вод, и воскреснут мертвые, чтобы судил их Господь! Кто поклонялся зверю и жене его, кто пил кровь мучеников и нес смерть агнцам Божиим, тот узнает силу праведного гнева Его!

Голос, подобный грозovým раскатам, раздавался из окна соседней камеры.

— «Кто это?! — голос этого человека казался Максимилиану знакомым. — Сенатор Катон!»

— Катон! — позвал его Максимилиан. — Ты ли это?!

— Да, Максимилиан, это я, — ответил Катон.

— Что ты тут делаешь?.. — Максимилиан недоумевал — Катон всегда с ненавистью говорил о христианах. За что его могли арестовать?

— Я жду своей смерти и своего воскрешения! — громогласно провозгласил Катон, как будто бы разговаривал не с Максимилианом, а с легионом солдат.

— Ты?! Ты христианин?..

— Сбылось пророчество об Антихристе, и я уверовал!

— Об антихристе? — не понял Максимилиан. — Кто антихрист?

— Нерон — порождение Дьявола! — заорал Катон.

— Нерон — антихрист? Да какой он антихрист? Он же просто дурак... — Максимилиан подумал вслух и расхохотался.

— Уверуй, Максимилиан! Уверуй! — продолжал кричать Катон. — Открой глаза, заблудшая душа, перед тобой последние дни мира! Ибо присягнул мир Антихристу и погряз во грехе! Ныне придет Господь, чтобы судить живых и мертвых!

Уверуй, Максимилиан! Разве не знаешь ты, как противился я Христу? А он простил меня и

принял в лоно Свое, ибо он Господь милосердия! И для верующего в Него нет более страдания на земле этой, а только свет жизни будущей в Царствии Христовом!

Уверуй, Максимилиан! Не там истина, где ты ищешь ее. Откажись от своих поисков и просто верь, что Христос уже искупил грехи твои Своей смертью! И тогда только откроется тебе истина, и сойдет на тебя благодать Божия, и будешь ты счастлив, как дети счастливы в неведении своем!

Максимилиан молчал, а несчастный, обезумевший Катон продолжал свою проповедь. Он осыпал проклятиями Нерона, пророчил конец света и обещал всем верующим во Христа счастье и спасение. Он уговаривал самого себя и врал самому себе...

Встретить смерть достойно — это испытание. Человек стоит перед небытием один на один. Кому ему врать? Зачем ему врать? Только ради избавления от своего страха перед смертью? Но ведь он не избежит, просто будет меньше бояться.

Христиане придумали странную игру. «Мы страдали, и за это нам воздастся!» — говорят они. Но что такое страдание перед холодным и пустым лицом Небытия? Что такое наше земное страдание перед лицом Вечности? Пустьшка.

Кому-то кажется, что его страдание заслуживает вознаграждения. За хороший поступок ребенку дают сладости. Но ведь этот поступок нужен не воспитателям, а самому ребенку. Вознаграждение — только игра, в нем нет правды. Если Катону нужен Христос, чтобы меньше бояться смерти, пусть так и будет. Максимилиан бессилён обмануться игрой. А если Катону хочется думать, что страдания гарантируют ему какое-то спасение, пусть он так и думает. Максимилиан не видит смысла в страдании. Есть ли он вообще? Неизвестно, а Катон предлагает неправильный ответ.

— Ты слушаешь меня, Максимилиан? — Катон вдруг решил это уточнить.

— Достаточно и того, Катон, что ты себя слушаешь, — ответил Максимилиан. — Но слышишь ли ты себя?

Катон не понял, да, наверное, и не мог понять Максимилиана.

— Покайся, Максимилиан, покайся! — про должал он. — Видишь эти страдания рабов Христовых? Они искупают свои грехи. И ты сможешь искупить свои прегрешения благой смертью! Ты примешь крест от Антихриста. Это зачтется тебе, Максимилиан! Покайся и уверуй!

«Никто в этом мире не знает подлинного смысла страдания... — подумал Максимилиан, в последний раз взглянул на пламя костров, безумство толпы и работу солдат, разгонявших эту толпу. — И я умру прежде, чем отыщу этот смысл...».

\*\*\*\*\*

Максимилиан держал в руке письмо Анитии и не решался его прочесть. Что может быть в этой записке? Что его воспитанница может сказать, став невинной жертвой ненависти Нерона к Максимилиану? Быть может, она обвиняет своего учителя? Или просит его не чувствовать себя виноватым? Или вдруг она уверовала в еврейского бога и просит Максимилиана последовать ее примеру? О чем она может ему писать?

— Нужно смотреть в лицо своему страху, — сказал Максимилиан вслух, тихо улыбнулся и открыл письмо.

«Мой дорогой, мой любимый Учитель! — писала Анития. — Наверное, мы уже не встретимся. Но я очень надеюсь, что Секст доставит тебе эту записку. Я хочу, чтобы, умирая, ты знал, насколько я благодарна тебе. Я благодарна жизни за то, что она подарила мне встречу с тобой. Ты любил меня, ты учил меня жизни. И я счастлива.

В последнее время я много думала о том, что ты говорил. О том, что мы должны отказаться от всего земного, от своих привязанностей. Мы должны, потому что это избавит нашу душу от страха потери, а значит, и от страдания. В этом цель. Свет души недостойно омрачать страхом и

страданием.

Но что бы ты ни говорил и как бы я ни хотела быть верной твоему слову, я не могу и, главное, не хочу избавляться от своего чувства к тебе. Сначала я думала, что это неправильно, что я должна. И я честно пыталась. А потом я подумала: что станется с моей жизнью, если я добьюсь результата? Она потеряет всякий смысл. Мне достаточно просто вспомнить о тебе, и я буду чувствовать себя счастливой. Это дает мне ощущение, что все в моей жизни не напрасно и не просто так. Неважно, где ты и чем ты занят. Я живу этим чувством, я живу своей любовью и нежностью к тебе. Это чувство делает меня бесстрашной и свободной, оно делает меня счастливой.

Когда я узнала о твоём аресте, душа моя омрачилась тоской. Признаюсь тебе, я знаю — ты бы этого не одобрил. Все мои мысли были заняты твоим освобождением. Я видела, как переживает Секст, и надеялась вместе с ним, что мы сможем тебя выволить. Но все было тщетно, мы бессильны перед этим миром.

Но это бессилие не означает нашей слабости. Так ты учил меня, и я выучила этот урок. Я обратилась внутрь себя за этой силой. И там, внутри себя, я нашла свое чувство к тебе, и сердце мое исполнилось счастьем. И тогда я поняла, что привязанность — это страх, а страх — это страдание. Но моя любовь к тебе свободна от страха, она просто живет.

Я сидела в саду и пела. Я пела о тебе, о том, что ты значишь для меня и зачем боги послали мне встречу с тобой. Это так очевидно! Ты — подарок, огромный подарок, за который я вечно буду им благодарна. На мое пение откликнулось два молодых человека, они прошли в сад и стали разговаривать со мной.

Прежде я никогда с ними не встречалась. Я не знаю, кто они и почему пришли говорить со мной. Один был похож на грека, другой — на перса. Их речь была странной, словно они только что приехали в Рим и не знают наших порядков. Но они сказали мне одну очень важную вещь.

Они сказали мне, что страдание и счастье расположены в разных сторонах света. Что жизнь кажется человеку дорогой между ними. Но это неправильно, потому что, на самом деле, это две разные дороги. Одна ведет к счастью, другая — к страданию. И каждый человек сам выбирает свою дорогу, сам выбирает путь, по которому ему предстоит идти.

И когда я услышала это, я поняла, что всю жизнь ты рассказывал мне именно об этом. И я поняла, что настало время моего выбора. Я должна выбрать свою дорогу. Дорогу страдания выбрать легко, и с детства мы приучены идти именно этой дорогой. Но мы не обязаны делать это. Это наш выбор. И теперь я его сделала.

Я иду к счастью, Максимилиан. И что бы ни случилось с нами, какие бы страдания ни приготовила нам судьба, я не сойду с этого пути. Я знаю счастье любви, и я ни за что не отрекусь от него, никогда не забуду о нем. Оно во мне, оно — это я.

Не бойся за меня, мой любимый. Я мечтаю, что ты сможешь гордиться мной.

С нежностью и благодарностью сердца, вечно твоя Анития».

Максимилиан плакал, исполнившись необыкновенной силой. Выбрать дорогу к счастью...

*У нас на руках было две задачи с двумя неизвестными.*

*Задачи связаны друг с другом — мы должны найти Третью Скрижаль Завета и помочь Ане.*

*Но мы не знаем, какая опасность угрожает девушке и как откроется скрытая в ней скрижаль. В том, что Ане угрожает опасность, — мы не сомневались. Тьма уже заявила о себе и будет атаковать ее дальше. Она чуть было не довела девушку до самоубийства.*

*И, по всей видимости, это только начало.*

*Посоветовавшись с Данилой, мы решили навестить в больнице загадочного «учителя танцев».*

*Аня любила Максима, и расставание с ним было для нее равносильно смерти. Так что все тут как-то друг с другом связано...*

\*\*\*\*\*

Мы представились коллегами Максима, и нас благополучно пропустили к нему в палату. Видимо, строгий запрет на посещение касался только Ани. Узнать «учителя танцев» было нетрудно.

Этот писанный красавец лежал на больничной кровати с закрытыми глазами. Приблизившись к нему, мы заметили, что хотя его глаза и закрыты, они активно двигаются, а губы шевелятся, словно он с кем-то разговаривает.

— Спит? — тихо спросил меня Данила.

Максим открыл глаза и странным, неловким движением буквально отпрянул от нас. Прижавшись спиной к стене, он обхватил голову руками и стал нервно переводить взгляд то на меня, то на Данилу.

— Не спит, — ответил я.

Мы уже были наслышаны о некоем сенаторе Максимилиане, императоре Нероне, предстоящих казнях тысяч христиан и необходимости спасти некую Анитию. Бывает, что люди сходят с ума, случается. А если в их мозгу происходит какой-то патологический процесс, то это и вовсе не удивительно. О чем с ним говорить? Такой доведет до самоубийства кого угодно...

— Я понимаю, что моя просьба выглядит странно, — сказал Данила. — Но, пожалуй ста, не бойтесь нас. Мы не хотим причинить вам никакого вреда.

— Вы психиатры? — Максим действительно выглядел испуганным.

— А что, похожи? — улыбнулся Данила.

— Кто вы?! — судя по всему, мы все-таки напоминали ему психиатров.

— Я — Данила, а это мой друг — Анхель. Вообще-то, я уже собирался ткнуть Данилу в бок и намекнуть на необходимость спокойно и деликатно покинуть помещение. Ну действительно, о чем можно разговаривать с этим полоумным? И Ане с ним встречаться не нужно — какой смысл? Парень явно не в себе! Но Данила выглядел спокойным и доброжелательным, словно с его собеседником все было в полном порядке.

— Что вам от меня нужно?! — больной не унимался.

— Послушай, Максим, я очень хочу тебе помочь. Расскажи мне, что с тобой сейчас происходит. — Данила и не собирался терять самообладания.

— Я так и думал — вы психиатры! — закричал Максим.

— Нет, я спрашиваю, как твои ноги. Физически ты, вообще, как? Танцевать будем? — Данила говорил с ним так же, как если бы общался сейчас со мной, хотя мне казалось, что с этим субъектом лучше говорить, как с трехлетним ребенком.

На этот вопрос Максим отвечать не стал. Он зло скинул с себя одеяло, продемонстрировав нам свои скрюченные судорогой ноги. Потом с силой оттолкнулся от поверхности кровати, развернулся корпусом на девяносто градусов, буквально выбросил ноги в сторону прохода и прыгнул на них. На мгновение его тело зависло в воздухе и тут же с грохотом повалилось на кафельный пол.

\*\*\*\*\*

— Ну, что ты как дурак себя ведешь! — Данила сел рядом с Максимом на корточки, посмотрел ему в глаза, потом подхватил двумя руками и одним движением водрузил обратно на кровать. — Вижу, хреново. Но хуже всего, что ты расклеился.

Данила сказал это с такой неподдельной заботой, что глаза Максима, как мне показалось, увлажнились от слез. Не желая продемонстрировать нам свое отчаяние, он отвернулся и устался в стену. Данила подсел к нему на кровать и стал говорить:

— Ты можешь мне не верить. Можешь вообще думать обо мне все, что тебе заблагорассудится. Но я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Всю жизнь ты хотел танцевать, а теперь — на тебе! Тело не слушается, и ничего с этим не поделать. Можно только принять. Но как?! Ты не хочешь быть калекой. Для тебя нет жизни без танца.

Любой человек на твоём месте испытал бы отчаяние. Любой. А тут ещё и твоё сознание выходит из-под контроля. Тебя посещают видения, тебе кажется, что ты — это не ты. И то, что вокруг тебя, — мираж или сон. Вообще, все что угодно, только не реальность. Итак, что мы имеем? Сумасшедшего калеку. Хорошенькое дело! А ещё полгода назад все было совсем по-другому. Совсем. Все спорилось, все удавалось, а главное — ты мог танцевать. Я правильно излагаю? Правильно.

Но неужели ты думаешь, что твоё боль — это только твоё боль? А что, ты думаешь, чувствует те, кто тебя любит, кому ты дорог? Им не больно? Они не испытывают отчаяния? Я не встречался с твоими учениками. Но я знаю, что Аня уже трижды пыталась покончить с собой. Тебе, правда, на это наплевать?! Максим повернулся к Даниле и внимательно посмотрел на него. Он словно спрашивал: «Ты правда так думаешь?» На что Данила и ответил: — Я, правда, так думаю, Максим. Правда. И ещё я хочу, чтобы ты понял две важные вещи. Во-первых, то, что ты расклеился, твоему выздоровлению никак не способствует, даже наоборот. А во-вторых; когда ты думаешь не о себе, а о других людях, то собственные страдания пережить значительно проще.

— Я думаю, — ответил Максим.

— Что? — не понял Данила.

— Как она?

— Аня? — уточнил Данила и, убедившись, что речь идет именно о ней, продолжил: — Было совсем плохо. Сейчас, кажется, чуть лучше, хотя я лично очень беспокоюсь.

Максим сцепил руки на животе и с силой бросил их в сторону головы. Видимо, иначе поднять их вверх он не мог. Подложив руки под голову, чтобы лучше видеть Данилу, Максим принялся объяснять нам своё решение:

— Она должна перебеситься. Помучается месяц, другой, третий, может быть, полгода, и все пройдет. Все проходит, и это пройдет. Время лечит. Если нет, мне придется с собой покончить, чтобы ее освободить. Но я не хочу этого делать, потому что это неправильно. Если мне суждено так, — Максим кивнул подбородком на своё полуживое тело, — значит, буду страдать. А ей — не суждено. Она не должна. Она может быть счастлива, но калека такую женщину счастливой не сделает. Потом она все поймет. Любовь — это хорошо, это важно, но меня любить ей незачем. Переживет, помучается, успокоится и найдет себе кого-нибудь, кто сможет о ней позаботиться...

— Тебе нужно с ней встретиться, — сказал Данила. — И рассказать все это, как есть. Если ты так вправду думаешь. Мы должны быть честными с теми, кого любим. Или ты хочешь, чтобы она восприняла это как предательство и жестокость? Ты хочешь, чтобы она с этим чувством ходила по миру?

— Она должна понять, — Максим произнес это так, будто бы искал у Данилы подтверждения своим словам.

— Понять-то поймет. Да вот только ты сам должен ей это сказать.

— Она ответит, что она так не может, что это будет предательством с её стороны. Гы пойми, я не хочу, чтобы она так себя чувство вала. Пусть уж лучше думает, что я подлец, что я с ней вот так обошелся. Ей так будет легче.

— А тебе не кажется, — Данила улыбнулся, — что это её жизнь и она должна сама сделать свой выбор?



— Но... — протянул Максим.

— Вот тебе и «но», — ответил Данила. — Пойдем, Анхель. Нам пора...

*Мы вышли из палаты. Я удивленно посмотрел на Данилу:*

*«Это что, все?!» — Данила, он ведь только разговорился, нужно было...*

— Анхель, — сказал Данила. — боюсь, что все самое важное происходит сейчас в Риме.

*Спрашивать об этом у Максима бесполезно, нужно спрашивать у Максимилиана. — Как — в Риме? Какого Максимилиана? — не понял*

*я. — А вот это бы я хотел у тебя узнать, ты у нас ответственный за параллельные миры... — он посмотрел на меня с шуточной укоризной. Да, мы, кажется, поменялись ролями.*

*Раньше я без конца повторял: «то, что нам кажется, нам только кажется».*

*А теперь он говорит мне:*

*«Друг, ты ничего не путаешь?»*

*Ты уверен, что мы, вообще в том мире ищем?»*

# ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Надежды Нерона не оправдались. Он рассчитывал, что римляне с радостью воспримут столь виртуозно задуманный им праздник огня.*

*Прекрасное начало больших торжеств!*

*Народ выместит свою злобу на христианах, а императорская власть от этого только укрепитя. «Нерон с нами! Мудрый Нерон! Император — заступник Рима!»*

*Ничего этого не было и в помине.*

*Когда на празднике перегоревшие столбы стали валиться, толпа поддавалась панике.*

*У солдат, призванных только для охраны порядка, сработал инстинкт нападения. Были жертвы.*

*Старики говорили, будто бы Юпитер послал кару на римлян.*

*Но кто виноват в этом, если не император?*

*По городу мгновенно распространились слухи, что истинным виновником пожара был сам Нерон.*

— Нерон заперся в своих — покоях и дрожал от ужаса. Власть императора — это любовь его народа. И нет для этой власти ничего хуже разгневанной толпы.

«Что, если чернь догадается? — шептали тонкие пересохшие губы императора. — Что, если она поверит этим слухам?..»

Несчастный, он уже и сам верил в свою выдумку. Ему казалось, будто бы Рим действительно подожгли христиане. А теперь они еще устроили против него заговор!

— Пустите же меня, болваны! — за дверьми спальни разворачивалась настоящая баталия.

Нерону почудилось, что пришла его смерть. Воображение рисовало ему картины ужасного кровопролития. Группа заговорщиков врывается к нему в спальню, и...

Император думал было вскочить с постели и принять величественную позу, но не решился. Пусть охрана отбивается.

— Я сказал, пустите меня немедленно! Что вы себе позволяете?! — дверь с шумом распахнулась, и на пороге показался Петроний.

— Боже мой, Петроний! — император по чувствовал себя, словно девица, только что спасенная прекрасным принцем из рук жестокого неприятеля. — Как я рад, что это ты! Ты пришел ко мне! Один! Ты один никогда не предашь меня! Как я рад!

Конечно, он единственный, кто пришел, ведь охрана никого не пускает! Это личное указание самого Нерона. И кроме того, никто не знает, чего ждать от императора, находящегося в таком состоянии. Ради чего рисковать жизнью?! А у Петрония дороги назад нет. Если Нерона наконец прикончат, ему — фавориту казненного императора — несдобровать.

Расчувствовавшись, Нерон театрально рыдал на плече своего любимца:

— Петроний, Петроний!

Петроний и сам любил закатывать истерики, но истерики императора выводили его из себя. Венценосный впадал в них всякий раз, когда от него требовалась решительность и серьезность! Петроний рассматривал истерику — как один из способов развлечься. А сейчас было не до развлечений. Решается вопрос жизни и смерти. Нужно спасти положение!

— О божественный, — Петроний выглядел собранным и озабоченным, — правду ли говорят, что ты отменил запланированные торжества?

— Петроний, Петроний, — жалобно тара торил Нерон, — а что делать?.. Народ в та ком состоянии! Я боюсь даже и думать, как они меня встретят, когда я появлюсь в ложе нового амфитеатра! Это немислимо! Они ра зорвут меня на куски!

— Никто не тронет императора! Не посмеют! — с искусственным восторгом выкрикнул Петроний, а потом добавил, гипнотически уставившись Нерону в глаза: — Да и преторианцы во главе с Флавом верны тебе, как псы, божественный. После того, как ты устранил Катулла, твоя охрана не вызывает никаких подозрений.

Вспомнив о последнем заговоре с участием Катулла, Нерон, наконец, пришел в себя:

— Да, я отменил торжества! — сказал он с наигранной твердостью, завернулся в халат и, воображая себя не то какой-то дивой, не то величайшим героем, поплыл своим грузным, бесформенным телом в сторону окна.

— Этого нельзя допустить! — Петроний чуть не сорвался на фальцет.

— Почему? — Нерон повернулся к Петронию и посмотрел на него с удивлением пятилетнего ребенка.

— О божественный, — Петроний почтительно склонил голову, — ты знаешь, что на род боится и любит твою силу. Нельзя, чтобы он думал, будто бы ты испугался. Если ты отменишь торжества, он решит, что слухи об истинном виновнике пожара — правда.

— Такая мысль придет в голову только глупцу! — Нерон был в полном восторге от того, как он произнес эту фразу!

— Божественный, но ведь народ глуп! Именно поэтому нельзя отменять торжества! Ни в коем случае!

— О-о-о... — застонал Нерон и снова превратился в несчастного, измученного, сгорбленного старика. — Я не знаю, не знаю...

— Божественный, я уже приказал, чтобы агенты наполнили город другими слухами... — начал Петроний.

— Какими? — Нерон живо заинтересовался этими «новыми слухами».

— Сейчас на всех рынках, стройках и площадях люди узнают, что христиане не только сожгли Рим — они еще отравляли воду в колодцах, убивали младенцев и пили их кровь. Они наслали на город проклятья, вызвали жару, лихорадку...

— Да, это чистая правда, Петроний! Чистая правда! — Нерону очень понравились новые слухи.

— О божественный, ты должен наказать врагов Рима! — Петроний изобразил на своем лице величайшее и воодушевленное почтение — излюбленную гримасу императора.

— Да, мы должны наказать врагов Рима! — повторил тот.

— И это еще не все! — Петроний понял, что он, наконец, близок к успеху.

— Не все?! — Нерон придал своему голо су гневливые нотки. — Что еще?! Говори не медленно!

— Сенаторы готовят против тебя новый заговор...

Поджилки у Нерона затряслись прежде, нежели Петроний успел завершить свою мысль:

— Заговор... — пролепетал император и стал коситься на бок, словно уже был в обмороке.

— Да, о божественный! Друг Максимилиана — сенатор Секст, желая избавить своего учителя-христианина от неминуемой расплаты, решил убить божественного императора!

— Предатель! — прошипел Нерон, хватаясь за балдахин своего ложа. — Неблагодарный предатель!

— Но заговор раскрыт! — Петроний ни на секунду не терял инициативы.

— Какое счастье! Какое счастье! — воодушевился Нерон.

— Смерть врагам Рима! — провозгласил Петроний.

— Смерть врагам Рима! — как механическая кукла, повторил Нерон.

— Смерть врагам императора!

— Смерть!

\*\*\*\*\*

— Петроний уходил из покоев императора в приподнятом настроении. Он получил высочайшее одобрение всех пунктов своего хитрого и жестокого плана. Теперь он сможет расправиться с каждым из своих врагов, и спасет Нерона — то есть себя и свою власть в Риме. Нужно продемонстрировать силу. Толика слабости, мгновение нерешительности — и Нерону несдобровать. Рим кипит от негодования, сенаторы накалены от раздражения и страха. Прихоти императора перешли все границы. Власть Нерона висит на волоске.

Но ничего! Сейчас Петроний заполонит город «правильными» слухами, проведет игры, которые поразят римлян своей зрелищностью. Он купит чернь дарами императора. Власть Нерона станет абсолютной, а положение самого Петрония — незыблемым.

Впрочем, в глубине души фаворит императора преследовал совсем другую цель. Он мстил Максимилиану, своему злому гению. Петроний никогда не согласился бы с мыслью, что где-то в этом мире живет человек, который одновременно и мудр, и любим.

Сам Петроний никогда не чувствовал себя любимым. Да, конечно, его обожали — ведь он был красив и изыскан. Но никогда не любили. И на этот счет у Петрония была теория — они просто не могут простить ему его мудрости, завидуют остроте его ума.

Но Максимилиан самим фактом своего существования разбивал это идеальное оправдание в пух и прах. И именно за это Петроний ненавидел сенатора, именно поэтому ему недостаточно было увидеть мученическую смерть Максимилиана.

Он хотел видеть его подлинное страдание, и теперь такой шанс представился. Максимилиан будет свидетелем трагической смерти своего друга — сенатора Секста. И какой же ад он переживет, когда на его глазах умрет любимица Анития!

— Надо спешить!

Тревожная тишина и мертвецкий сумрак главной колоннады дворца. Эхо высоких каменных сводов превращает шаги Петрония в пульсацию холодного каменного сердца. Он мчится к Флаву — начальнику преторианцев.

Миновав показавшуюся ему бесконечной колоннаду, Петроний вышел в сад и уже через пару минут был на месте — в небольшой пристройке, где располагался Флав и дежурная смена дворцового караула.

— Флав, слушай приказ императора, — на лице Петрония играла страшная, едва заметная улыбка. — Тебе следует немедленно арестовать сенатора Секста. Он обвиняется в заговоре. К ночи мне нужны все распорядители торжеств, они получают необходимые указания. Выполняй! Флав — этот низколобый, преданный Нерону, как собака, великан — посмотрел в глаза Петрония, склонил голову и молча повиновался.

\*\*\*\*\*

Накануне первого дня игр Максимилиана перевели в куникул — большую, набитую до отказа тюрьму, расположенную в подвале нового императорского амфитеатра. Стоны и крики заключенных, плач детей, грубые голоса тюремных стражей, удары молотков, сколачивающих декорации для завтрашних представлений, рычание и надсадный вой голодных животных — все это сливалось в единый тревожный гул.

В сопровождении четырех охранников, придерживая руками цепи, Максимилиан шел по длинным, извилистым коридорам куникула. Пространство едва освещалось редкими факелами. Кое-где мертвецкий лунный свет проникал внутрь тюрьмы через узкие, зарешеченные окна. Удушливый смрад, из запахов пота, испражнений, звериных шкур и разлитой по полу гниющей похлебки, делал духоту куникула еще более невыносимой.

Сенатор напряженно вглядывался в темноту камер, в искаженные мукой лица людей. Где-то здесь должна быть Анития. Но где? Увидит ли он ее? Какие пытки уготовил ей император?

Ответов на эти вопросы у Максимилиана не было.

— Скорбите о грехах ваших, ибо наступает час возмездия! — мужской голос звучал где-то впереди, дальше по коридору. — Но одной смертью своей не искупите вы грехи ваши! Каждым грехом своим вы обновляли муки Христа. Скорбите же, ибо разверзлась пасть ада. Горе вам, мужи и жены, горе вам, родители и дети!

Это кричал старый грек по имени Мегакл, один из руководителей христианской общины Рима.

— Простите врагов ваших и мучителей, ибо не ведают они, что творят! — раздалось откуда-то сзади. — Сострадайте им, христиане, ибо страшен будет для них суд Господень! Что наши страдания, братья и сестры, в сравнении с их участью?! Ибо придет Господь в великой славе Своей для торжества справедливости. И утешатся нищие, и наказаны будут злодеяния гонителей церкви Христовой!

Сервий — друг и сподвижник апостола Петра — по-своему вторил словам Мегакла.

— И молитесь теперь! Молитесь истово, дети Господа нашего! — послышалось где-то совсем рядом. — Ибо не оставит Господь излюбленных чад своих, что страдали за веру и несли на себе крест мучений праведных, как и Он нес! Ибо сказано: «И прибуду я с вами во все дни и до скончания века. И ни один волос не упадет с головы вашей, ибо Я с вами. Аминь».

Максимилиан узнал в этом крике голос сенатора Катона. Узник закончил свою речь и запел гимн во славу своего Бога:

Царствуй Христос на земле и на небе!

Царствуй, принявший праведный крест!

Душа, отрекаясь, гибнет в геенне!

Господь, умирая, во славе воскрес! Спустя мгновение к пению Катона присоединились сотни, может быть, тысячи голосов. Все огромное пространство тюрьмы наполнилось этим странным, тягучим звуком. Приговоренные к смерти прославляли подвиг Христа и пророчили гибель гонителям Его Церкви.

— Сколько же страдания в этой мольбе... — прошептал Максимилиан.

— Не разговаривать! — охранник, шедший сбоку, ткнул Максимилиана рукоятью меча. — Приказ императора!

Максимилиана ввели в крохотную одиночную камеру. Ее единственное окно, напоминавшее глаз циклопа, выходило прямо на арену амфитеатра. Сенатора усадили в жесткое деревянное кресло и пристегнули к нему множеством узких кожаных ремней.

Панорама поражала воображение и внушала почти животный ужас. Гигантская арена, окруженная многоярусным цилиндрическим корпусом, была погружена во мрак. Казалось, что даже мертвый лунный свет не решается проникнуть во чрево дворца злодеяний.

Вдруг вдалеке, в противоположной части арены, забрезжил свет факелов. Какой-то человек, окруженный группой солдат, шел прямо по направлению к Максимилиану. Издали узнать его было нельзя, но, приближаясь, он постепенно обретал знакомые черты.

— Петроний!

— Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке, Максимилиан, — процедил Петроний сквозь зубы, пристально вглядываясь в окно камеры. — Тебе хорошо видно сцену торжеств?

— Мне тебя благодарить за эту ложу? — спросил Максимилиан.

— Можешь не благодарить, — улыбнулся Петроний. — Не хочу, чтобы ты скучал в ожидании своей смерти, поищи-ка свою истину на этой сцене.

Любимец императора провел рукой, указывая на арену, ложи, трибуны, и его злой раскатистый хохот наполнил гулкое пространство амфитеатра.

*Римляне обожали подарки и красочные представления. Любящий император позаботился и*

о том, и о другом.

На входе в амфитеатр народу раздавали лотерейные тестеры, предлагали яркие украшения из живых цветов, щедро кормили, разливали вино. Бескрайняя очередь напоминала живое море и тянулась, насколько хватало глаз. Зрители заполняли огромные трибуны.

Да, здания таких размеров Рим еще не видел, а слухи о его великолепии оказались явью. Зачарованная публика была в восторге.

\*\*\*\*\*

Нижние ряды со зрителями в тогах белели как снег. Чуть выше расположились военные в золотистых доспехах, отражавших яркий солнечный свет. А еще выше чернело море голов, над которыми, под самым веларием висели гирлянды из роз, лилий, плюща и винограда.

В предвкушении красочного представления зрители громко переговаривались, пели и раздражались приступами нервного смеха. Скабрезные шутки самодеятельных скоморохов пользовались сегодня большим успехом. Настроение у всех присутствующих было приподнятым.

Когда амфитеатр заполнился, в центральной ложе появился император со своей свитой — сенаторами, важными сановниками, военачальниками, знатными патрициями, матронами и весталками. Многочисленная охрана окружила его ложу со всех сторон.

Публика приветствовала цезаря стоя: «Да здравствует Нерон! Слава императору, заступнику Рима!» Волна восторга прокатилась по трибунам. Нерон, облаченный в серебряную тогу и с алмазным ожерельем на груди, был подобен прекрасной жемчужине в многоцветной, перламутровой раковине амфитеатра.

Представление все не начиналось, ожидание затягивалось. Зрители изнемогали. Призывный топот тысяч человеческих ног о деревянные полы трибун превратился в грозные раскаты. Наконец распорядитель подал условный знак, и главные ворота арены открылись.

В считанные секунды из них выкатились раззолоченные колесницы, окруженные конным эскортом. Амфитеатр ответил оглушительным «А-а-а!», вырвавшимся из тысячи ртов. Когда пыль, поднятая лошадьми, улеглась, в центре арены красовались фаланги полуобнаженных бойцов, словно выросшие из-под земли.

Любимцы публики — лучшие гладиаторы Рима — начали торжества пленяющими воображение баталиями. Народ неистовствовал и, не отрываясь, смотрел за происходящим на сцене. Ни одному из поверженных бойцов зрители не пожелали сегодня сохранить жизнь.

\*\*\*\*\*

Император посвятил этот день разыгрыванию мифологических картин. В калейдоскопе сцен сюжеты сменяли друг друга с бешеной скоростью. Христиане, бывшие главными действующими лицами представления, превратились в маскарадное пушечное мясо.

Зрители увидели заживо горящего Геркулеса на горе Эта; кровопролитную битву лапифов с кентаврами, похищающими их женщин; муки Ореста, терзаемого жестокими гарпиями, в костюмы которых были переодеты женщины-гладиаторы.

Потом настал черед мучения девственниц, которых под возбужденные крики толпы насиловали гладиаторы, переодетые животными. Далее публика наслаждалась еще более чудовищным зрелищем — дикие кони разрывали маленьких девочек на части.

Полет инженерной мысли палачей, продемонстрированный во втором акте представления, казалось, просто не знал границ. Хитроумные машины смерти появлялись на арене амфитеатра одна за другой. А зрители живо обсуждали устройство этих диковинных конструкций.

Десятки христиан были умерщвлены с помощью необыкновенно изящного устройства, изображавшего прокрустово ложе. Роль Прокруста досталась Кварту — любимому палачу императора, известному благодаря своей изобретательной жестокости.

Низкорослых христиан он растягивал на своей зловещей машине, пока та не отрывала им

руки или ноги. Долговязые христиане лишались на его станке или голов, или ног, а зрители гадали, от чего же именно умрет очередная жертва.

Потом с помощью специальных креплений, установленных на веларии, вверх подняли двух мужчин, изображавших Дедала и его сына Икара. На спину этим «актерам» были прикреплены прозрачные шутовские крылья.

Падая на арену, приговоренные безуспешно пытались парить. Юноше, изображавшему Икара, это почти удалось. Он разбил голову об инкрустированный поручень прямо под императорской ложей. Дедал сломал шею, упав в самый центр арены.

Особенное удовольствие публике доставил номер «Прохождение через врата Сциллы и Харибды». Тяжеловесные муляжи двух этих гор были полыми, внутри прятались рабы. Конструкции с грохотом сходились одна с другой и давили людей.

Христиане гибли без счета под веселое улюлюканье взбудораженных представлением зрителей.

\*\*\*\*\*

Брызги крови летели Максимилиану в лицо. А он, притянутый ремнями к высокой спинке кресла, даже не мог отвернуть головы. Обычно такие аппараты использовались для физических пыток, но сейчас Петроний поступил хитрее. Наблюдение за смертью было для приговоренного к ней куда большей пыткой, чем банальное истязание тела.

С самого начала представления сенатор напряженно вглядывался в лица умирающих на арене жертв. Он надеялся разглядеть среди них Анитию, хотя бы попрощаться с ней взглядами. Максимилиан пытался сосредоточиться, хотел сохранить дух спокойным и принять все происходящее с ним без содрогания.

Но публика, сидевшая на трибуне прямо над ним, топотом ног превратила камеру Максимилиана в полость гигантского барабана. Этот бьющий по ушам гул и вид разрываемых на куски тел сделали свое дело. Что-то внутри Максимилиана сломалось, надорвалось, треснуло. Сенатор почувствовал апатию и тягостную внутреннюю опустошенность.

Казалось, этому ужасу не будет конца.

Количество христиан, которых нужно было умертвить сегодня на этой арене, оказалось огромным. Требовались масштабные баталии. Поэтому, по желанию Нерона, а точнее — по настоятельному совету Петрония, завершить мифическую часть торжеств было решено кровопролитной картиной взятия Трои. Нерон по такому случаю даже заготовил новые стихи.

В центре арены разместились массивные крепостные стены — уменьшенный макет Трои. Надрывные звуки медных труб создали у зрителей состояние тревожного ожидания. Воцарилась полнейшая тишина. По сигналу все восемь ворот, выходивших на арену, открылись, и из них с шумом и воинственными криками хлынули гладиаторы.

Рассредоточившись по всей арене, они изображали осаду Трои. И дальше началось что-то невообразимое. Из четырех дверей, устроенных в игрушечной крепости, стали выходить христиане. Они шли непрерывным потоком — осунувшиеся, потерянные, словно уже умершие.

Не пользуясь выданным им оружием, отбрасывая его в стороны, они мгновенно становились легкими жертвами гладиаторов. Не желая драться, христиане безропотно, словно овцы, расставались со своими жизнями. Молились и умирали, молились и умирали.

Публика начала роптать — зрелище получилось скучным и напоминало скорее гигантскую бойню, нежели грандиозную осаду Трои. Но скоро ропот прекратился, зрители не верили своим глазам — убитые христиане уже грудями лежали на арене, а их поток из маленькой, игрушечной крепости так и не прекращался.

Это «чудо» объяснялось простой хитростью. Модель крепости была установлена прямо над колодцем, соединенным с тюрьмой. Служители куникула выгалкивали людей на сцену

непосредственно из камер, и поэтому эта бойня действительно могла быть очень и очень продолжительной.

Когда зрители, наконец, поняли механизм происходящего на их глазах «чуда», амфитеатр разразился бурными овациями в честь автора этой превосходной идеи. Рукоплескания публики заслужил Петроний, но Нерон с восторгом принял их на свой счет. Все были довольны.

Когда фокус с обилием христиан внутри маленькой крепости удался и был признан зрителями, двери «Трои» закрылись. По арене промчалась конница, добившая еще живых христиан. И тут же из главных ворот выкатили огромного, красивого, словно сказочного, «троянского коня». Публика была в восторге!

Снова раздался надрывный звук труб, и воцарилась мертвая тишина. Напротив игрушечной крепости возвышался сопоставимый по размерам «троянский конь», а вокруг лежали горы окровавленных тел.

\*\*\*\*\*

Максимилиану показалось, что он сошел с ума. Взору сенатора предстала странная картина. Изнутри игрушечной Трои медленно поднималась платформа. В ее центре возвышался кол, к которому была привязана женщина — тонкая тростинка, словно молодая виноградная лоза на изгороди. Через мгновение Максимилиан узнал в ней Анитию.

Его глаза наполнились слезами. Нерон уготовил его воспитаннице роль прекрасной Елены.

Но что это за мужчина стоит рядом с ней? Максимилиан вглядывался, шурился и не верил своим глазам. Рядом с Анитией стоял его ближайший друг. Секст! Мысли Максимилиана помчались с бешеной скоростью: «Как такое могло случиться?! Почему Секст арестован?! Кто донес на него?! Что сейчас будет происходить?!»

Петроний не был уверен, что Секст станет потешать толпу, вступив в бой с гладиаторами. А ему хотелось, чтобы Секст хорошенько помучился перед смертью на глазах у своего «учителя». Так у Петрония и родилась эта идея — он вынудит Секста драться! Захочет хотя бы попытаться уберечь Анитию от расправы, и будет! Будет как миленький!

Голова «троянского коня» отвалилась в сторону, и на ее месте появился первый из гладиаторов, потом другой, третий. Всего двенадцать человек. Они выстроились на спине деревянной лошади, обратив лица в сторону императорской ложи. Галлы, фракийцы, самниты — горделивые, спокойные красавцы, вооруженные до зубов, в сверкающих цирковых доспехах.

Рим знал этих гладиаторов поименно — это лучшие бойцы империи, лучшие из лучших. Увидев их, зрители разразились щенячьим восторгом. Рукоплескания тонули в реве голосов, крик растворялся в скандирующих аплодисментах.

Резкий звук военного рога прекратил этот громоподобный шум. Гладиаторы выбросили вверх правые руки и, обратив взоры к императору, прокричали:

— Идущие на смерть приветствуют тебя! Нерон встал со своего места и провозгласил:

— Смерть заговорщику! Да падет Троя! Римляне, конечно, узнали сенатора Секста.

И теперь все встало на свои места. Секст, оказывается, намеревался погубить императора! Он готовил против него заговор!

— Смерть заговорщику! Да падет Троя! — амфитеатр вторил словам императора многотысячным эхом.

Первый из гладиаторов — галл по имени Ланион, в прыжке преодолел пространство, разделявшее «троянского коня» и стены «Трои». Секст встретил его с мечом в руке.

Максимилиан закрыл глаза.

Что эти звери сделают с его девочкой, когда получат в качестве трофея ее юное тело?! Мечта плебеев — наблюдать, как дикие чудовища под улюлюканье зрителей глумятся над дочерью патриция. Торжество низости над чистотой.



\*\*\*\*\* Вой продолжался больше часа. Трибуны безумствовали.

В том, что Секст — хороший воин, мало кто сомневался. Но противостоять лучшим гладиаторам... Никто не ожидал от сенатора, что он победит хотя бы одного из них. Сначала зрители даже не подумали сделать ставки, но после победы Секста в двух первых боях на каждого из десяти оставшихся гладиаторов ставили огромные деньги. Кто одержит верх над сенатором?

Секст истекал кровью, дважды его ранили очень серьезно. Одна его нога была сломана, а правое плечо сильно повреждено. Сражаясь с седьмым гладиатором, сенатор мог держать меч уже только в левой руке. Это был настоящий триумф воли.

Максимилиан понимал, что шансы на победу у Секста равны нулю. Однако в исполненном искренней благодарности сердце Максимилиана стала теплиться слабая надежда. Но почему не он отражал сейчас удары гладиаторов?! Почему это испытание выпало Сексту?!

Зрители, восхищенные смелостью и силой приговоренного сенатора, начали роптать. Неужели Нерон не смиляется над Секстом? Покорить сердце римлян на арене цирка — дело почти невозможное, но сенатор сделал это! Он настоящий герой!

Петроний нервничал. Все пошло совсем не так, как он ожидал. А Максимилиан тем временем с замиранием сердца прислушивался к голосам зрителей. Их отношение к «заговорщику» стало меняться. Неужели произойдет чудо?! Неужели Секст и Анития могут спастись?!

Симпатии публики были уже всецело на стороне Секста. С трибун раздавались настойчивые требования помиловать сенатора и прекратить бой. Но Нерон делал вид, что не замечает этих обращений. Он изображал полнейшую отстраненность. Но трудно было не заметить, что все его внимание приковано к бою.

Гул народного недовольства поведением Нерона продолжал нарастать. С каждой секундой раскаты этого гула все больше и больше напоминали снежную лавину, несущуюся по горному склону.

Для императора наступала трагическая минута. Еще чуть-чуть — и толпа не оставит ему никакого выбора. Он не осмелится умертвить того, кем так восхищается Рим. Ему придется помиловать заговорщика Секста. Но это немыслимо! Совершенно немыслимо!

Нерон молился: боги, пусть очередной бой закончится, наконец, в пользу гладиатора! Секст изнемогает, у него больше нет сил. Он должен пасть! Еще мгновение — и он допустит ошибку, обязательно! Но нет, у Секста откуда-то снова и снова берутся силы!

Раненый раздосадованный фракиец, разбежавшись, прыгает на Секста. Несколько мгновений, сцепившись друг с другом, они борются на краю «Трои». Секунда — и нанизанное на меч Секста мертвое тело фракийца летит вниз под восторженные крики толпы.

— Помиловать! Помиловать! — скандирует амфитеатр.

Даже безучастные до того преторианцы вдруг присоединяются к общему ору. Нерон инстинктивно поворачивается к Флаву — беззаветно преданному ему начальнику стражи. И — о, проклятье богов, его губы тоже вторят толпе:

— Помиловать! Помиловать!

Максимилиан замирает. Его тело напряжено, словно гигантская пружина под многотонным прессом. Еще мгновение — и он порвет кожаные ремни, сковывающее его тело. Помиловать! Помиловать! Помиловать!

Нерон вынужден принять решение. Он встает, подходит к краю ложи. тысячи пар человеческих глаз неотступно следят за каждым его движением. Император протягивает вперед руку. Воцаряется гробовая тишина. Куда пойдет палец — вниз или вверх? Жизнь или смерть?...

\*\*\*\*\*

Увлеченные зрелищем зрители и не заметили, как в небе собрались тучи. Мучительная духота дня давала слабую надежду на грозовой ливень, но народ уже даже боялся в это верить.

В течение нескольких недель к ряду на земли Рима не пролилось ни одной дождевой капли. Водоемы стали пересыхать, растения жухли под палящим солнцем. Казалось, разгневанные боги решили превратить римские земли в пустыню.

И вот, над замершим амфитеатром гулками ударами прокатились раскаты грома. Нерон стоял, словно парализованный, не в силах отжать от своего кулака большой палец. Израненный, истекающий кровью Секст смотрел ему прямо в глаза и вдруг начал смеяться:

— Ну что, матереубийца?! Народ молчит. — сенатор обвел взглядом трибуны. — Представился хороший случай сказать ему правду! Назови им имя императора, приказавшего спалить Рим! Назови свое имя, Нерон! Скажи им правду!

Тревожный шепот волной пошел по трибунам: «Что он говорит?! Нерон сжег Рим?! Не может быть! Секст помешался, тронулся рассудком! Нет, это правда! На руках Нерона кровь наших близких! Христиане — невинные жертвы! Секст прав — во всем виноват Нерон! Из-за него Рим прокляли боги!».

И в тот момент, когда народное волнение достигло своего пика, «Троя» вдруг вспыхнула и загорелась. Внезапно, словно по волшебству. В считанные секунды она превратилась в огненный столб. Огонь пожирал ее с бешеной скоростью.

Сквозь огненное зарево и клубы дыма Максимилиан видел, как Секст пытается освободить Анитию от пут, держащих ее у столба в центре горящей платформы.

— Проклятие Богов заговорщику и клеветнику... — Нерон услышал в своем правом ухе шепот Петрония.

— Боги наказывают заговорщика и клеветника! — провозгласил Нерон.

И толпа, пораженная увиденным, стихла. На ее глазах пламя пожирало макет «Трои» и тех двух человек, которые были на ее вершине. Казалось, Юпитер действительно вмешался в дело.

Прозвучали новые раскаты грома, на трибуны упали первые крупные капли дождя, и начался ливень. Потоки воды, падающей с небесного свода, заставили публику вскочить с мест и бежать в укрытие.

Последнее, что видели зрители, — это Анитию. Секст освободил ее от пут, а дождь спас от огня. Она сидела на вершине тлеющей «Трои» — живая и невредимая — и обнимала мертвое тело Секста, задохнувшегося в дыму, и медленно раскачивалась из стороны в сторону.

Кто-то прокричал в толпе:

— Святая!

\*\*\*\*\*

Нерон был вне себя от бешенства. И он бы, наверное, убил Петрония на месте, если бы не понимал до конца всей отчаянности своего положения.

Да, ситуация вышла из-под контроля, но Петроний все-таки спас положение. Он догадался в нужный момент отдать приказание служащим амфитеатра о немедленном поджоге «Трои» и вложил в уста императора подходящую реплику.

Теперь народ в замешательстве — чему верить? Словам Секста или императору. Гнев Юпитера, обелявший Нерона в глазах народа, предстал воочию. А то, что он был инсценирован Петронием, к счастью, знал только узкий круг лиц.

С другой стороны, суеверного Нерона напугало чудесное спасение Анитии. Конечно, можно было думать, что это просто случайность, стечение обстоятельств. Но случайность ли? И как объяснить это народу? Наконец, что с ней теперь делать?

— Петроний, я начинаю подозревать, что это ты плетешь против меня заговор! — кричал Нерон.

— Прикажи казнить меня, божествен ный! — спокойно отвечал Петроний, терять ему было нечего.

— И прикажу! — император топал ногами.

Нерон не выносил, когда кто-либо позволял себе говорить с ним в таком тоне. Но нервы у всех были на пределе, так что сдерживать себя приходилось даже императору.

— Я думаю, мы сможем все уладить. Зав трашние игры пройдут именно так, как нам нужно, — сказал Петроний, когда Нерон чуть— чуть пришел в себя. император испытывающее посмотрел на Петрония.

— Казнь Максимилиана не разочарует тебя, — Петроний почтительно опустил голову.

*Раздался короткий звонок. Данила поднялся с дивана и пошел открывать дверь.*

*Аня стояла на пороге нашей съемной квартиры, — тонкая, тихая, с бледным как полотно лицом. Вид у нее был потерянный.*

— Что случилось? — спросил я.

— Врачи говорят, его спасет только чудо. Я подумала, что вы сможете помочь.

— она сказала это спокойно и ровно, глядя куда-то мимо или даже сквозь нас. Меньше чем через час мы уже были в его палате. Последние сутки Максим почти не приходил в сознание.

\*\*\*\*\*

Накануне поздним вечером состояние Максима стало внезапно странным образом ухудшаться. Врачи не могли понять почему. На глазах все его тело покрывалось багровыми пятнами. Они выглядели, словно кровоподтеки от ударов.

В какой-то момент, еще будучи в сознании, Максим внезапно потерял способность говорить. Он пытался издавать какие-то звуки, что-то сказать Ане. Но язык его не слушался, превратившись в неподвижный, мертвый кусок биологических тканей.

«Двусторонний паралич языка... — протянул обследовавший его дежурный врач. — Странное дело. Как такое может быть?.. Непонятно».

Утром собрали консилиум, пригласили профессора, долго обследовали Максима и пытались понять, какова природа возникших кровоподтеков. Аллергия? Нарушение свертываемости крови? Слабость сосудистых стенок?

Когда врачи вышли из палаты, Аня подошла к профессору и спросила:

— Я его гражданская жена. Вы можете сказать, что с ним?

Профессор внимательно посмотрел на Аню и отвел ее в сторону.

— Он у вас верующий? — пожилой уже мужчина смотрел на нее испытывающим взглядом поверх тонких очков.

— Верующий? — не поняла Аня.

— Ну, христианин? — уточнил он.

Аня задумалась. Как ей правильно ответить на этот вопрос?

— Верующий, но не христианин, — сказала она через секунду. — Но почему вы спрашиваете?

— Видишь ли, милая, — профессор выглядел сосредоточенным и одновременно с этим растерянным. — Очень уж похожи на стигма ты... Знаешь, что это такое?

— Да, знаю, — ответила Аня.

Профессор выдержал долгую паузу, в продолжение которой напряженно смотрел в пол, словно пытался там что-то найти.

— Умеешь молиться — молись, — сказал вдруг этот странный пожилой человек в белом халате. — Знаю, это звучит глупо. Но молись...

\*\*\*\*\* Максим открыл глаза и посмотрел на нас.

— Э-э-эу, э-э-эу, — мычал он, переводя взгляд с нас на Аню и с Ани на нас.

Его руки хаотично двигались по одеялу. Он, видимо, не мог с ними управиться, но хотел что-то показать нам с помощью жеста.

Данила подсел к нему на кровать и тихо спросил:

— Тебе кажется, Аня в опасности?

— Э-э-эу! Э-э-эу! — Максим делал Даниле утвердительные знаки головой и, кажется, улыбался — его поняли!

— Мы позаботимся о ней, не волнуйся. Позаботимся...

— Э-э-эу! Э-э-эу...

Сознание Максима стало мерцать, и он погрузился в небытие.

— Вот, — Аня приподняла одеяло.

Мы увидели изуродованное кровоподтеками тело. И тут, прямо на наших глазах, огромные, массивные багровые пятна стали проступать на его кистях и стопах. Казалось, что в них лопнули сосуды, сразу все. Кровь хлынула в ткани, и они мгновенно разбухли.

Я инстинктивно прикоснулся к багровому стигмату на его ладони. И в то же мгновение пол стал уходить у меня из-под ног. Яркий солнечный свет, заливавший пространство, ударил в глаза. Барабанные перепонки судорожно задрожали от неистовых криков улюлюкающей толпы, скандирующих аплодисментов, топота ног, рева диких животных и надрывного стога умирающих.

На гигантских трибунах античного Колизея бесновалось обезумевшее людское море. Волна возбуждения мощным потоком прокатывалась по трибунам и, не затухая ни на мгновение, тонула в следующей. Арена, как поле брани, была усеяна человеческими телами, сотни животных — львов, тигров, пантер, леопардов, диких собак, — обезумев от вкуса крови и обилия жертв, рвали на куски человеческие останки.

На высоком помосте в центре арены три раба, орудуя большими молотками, приколачивали тело человека к кресту.

*Толпы черни с самого рассвета ждали, когда же откроются ворота амфитеатра.*

*Со страхом и упоением люди прислушивались к рычанию львов, хриплому реву пантер и вою диких собак. Зверей не кормили уже два дня, лишь дразнили кровавыми кусками мяса. Представление с участием зверей должно было стать кульминацией торжеств. Публика ожидала чего-то прежде не виданного и особенного.*

*Количество животных, привезенных в Рим со всей империи, обещало предстоящему зрелищу грандиозный успех. Трибуны заполнились незадолго до полудня.*

*Народ спорил: одни говорили, что львы искуснее разрывают людей, другие — что тигры.*

*Ходили слухи, что на арене будут разыгрываться сюжеты о жизни бога, которому поклоняются христиане.*

\*\*\*\*\*

Петронии все продумал, никаких неожиданностей не будет. Сначала с животными сразятся гладиаторы — это всегда возбуждает толпу. А потом он устроит кровавое месиво, кинув на растерзание голодным животным всех не казненных еще христиан.

Для большей красочности христиан одели в шкуры животных и огромным стадом вывели на арену. Несчастные пели псалмы и ложились на землю. Публика разозлилась — подобное пассивное поведение жертв не предвещало зрелищности представления.

Гнев публики был Петронию на руку — пусть сердятся на христиан, «поджигателей Рима». Знаменитый оратор Авл торжественно зачел многочисленные, хорошо продуманные Петронием обвинения христиан в различных злодеяниях.

Теперь ни у кого не оставалось сомнений: смерть — это единственное, чего заслуживают последователи еврейского учителя.

Хищников выпускали на арену большими группами, но по очереди — сначала мелких животных, и только затем крупных. Начали с нильских крокодилов, пиренейских волков и молосских псов. Львов, тигров и медведей оставили напоследок.

Волки и дикие собаки на какое-то время замерли в нерешительности, удивленные странной реакцией людей. При виде животных они не бросились врассыпную, а лишь инстинктивно сгрудились и стали петь свои псалмы с еще большим воодушевлением.

Звери осторожно обходили толпу, принюхивались и облизывались. Запах овечьих, козьих и прочих шкур, покрывавших тела людей, вызывал у них живой интерес.

Но вот в рядах коленопреклоненных христиан произошло заметное движение — они передавали детей из рук в руки, подальше от хищников. Несколько женщин из числа приговоренных, не выдержав напряженного ожидания, громко запричитали.

— Да будет проклят этот город! — закричал Мегакл, сдергивая с себя козью шкуру. — Молитесь, дети Христовы! Молитесь! И ни один волос не упадет с головы вашей, ибо Господь любит вас!

— Проклят этот город! — вторил ему Сервий, осеняя людей вокруг себя крестным знаменем. — Говорю вам, дети Христовы: верьте! Ныне же, ныне будем мы в Царствии Небесном!

— Проклятие Риму! Проклятие Риму! — твердил сквозь зубы сенатор Катон, стоявший напротив голодных псов. — Вот он, лик подлинный Антихриста! Адовы, адовы муки ждут гонителей детей Христовых!

Все эти выкрики возбудили агрессию животных. Одна из собак схватила плачущую женщину за надетую на ней шкуру. Несчастная оторвалась от остальной людской массы. Несколько собак побежали к ней сзади и начали терзать ее тело.

Раздался душераздирающий крик. И в этот же момент все прочие хищники, бывшие на арене, словно по команде, бросились в толпу. Кровь лилась рекой. Зрительская толпа улюлюкала. Служители амфитеатра открывали новые и новые клетки с животными.

Появление на арене тигров произвело на присутствующих магическое действие.

Взбудораженные видом крови, голодные полосатые чудовища расправлялись с людьми, откусывая им головы, ломая хребты и грудные клетки ударами тяжелых когтистых лап. Арена стала напоминать гигантскую пульсирующую кровавую клоаку.

Зрелище ввело публику в транс. Долго это продолжаться не могло, психика людей не выдерживала. Кто-то начинал плакать сквозь смех. Кто-то кричал: «Когда это кончится!» Некоторые лишались чувств, другие просто отворачивались.

Петроний готовился отдать последнюю команду. Наступил момент, когда надо было перейти к заключительной части игр.

\*\*\*\*\*

Накануне вечером Петроний встретился с Максимилианом. Конечно, фаворит императора надеялся увидеть раздавленного и поникшего человека. Но он ошибся. Максимилиан был спокоен и собран. Смерть не страшила его. «Мы не можем бояться того, чего не знаем. А мы не знаем смерти. Поэтому, боясь смерти, мы боимся только своих фантазий. Бояться фантазий глупо», — так Максимилиан думал раньше, так он думает и теперь.

Да, он так до сих пор и не нашел ответа на свой главный вопрос. Он не знает, в чем смысл страдания. Но где-то внутри он смутно чувствует: испытание не в том, чтобы просто пережить страдание, найти способ. Испытание в том, чтобы смотреть поверх него.

Опала коснулась его близких, но никто из них — ни Секст, ни Анития — не были сломлены горем. Никто из них не стал хвататься за соломинку веры, не стал искать религиозного смысла в тех испытаниях, которые выпали на их долю.

Легче всего *придумать* смысл страдания, утешить себя иллюзией. Легче всего решить — есть на небесах кто-то, кто готов зачесть мне мои страдания в качестве пропуска в рай.

Но это неправда. А неправильный ответ не лучше полного его отсутствия.

Максимилиан не признавал никаких жертвоприношений — ни римским богам, ни, тем более, богу евреев. Бог не может требовать жертвы. Он был бы жесток, если бы принял ее. Бог — это любовь, а любовь живет в человеке. Об этом он всегда говорил Анитии:

«Болью не купишь райских чертогов. На долю каждого из нас выпадают испытания, и нужно иметь мужество пройти их, не ожидая чудесной помощи. Рай — это то, что у тебя в душе. Единственный путь к нему — твоя внутренняя свобода».

И вот в своем последнем, по сути, предсмертном письме Анития ответила Максимилиану. «Я выбираю дорогу к счастью». И несмотря на весь ужас происходящего там, на лобном месте, Максимилиан видел сегодня свет. Свет, который окружал ее, ее внутренний свет.

А еще Максимилиан видел, с какой силой, с какой отвагой сражался Секст, защищая Анитию. Когда-то он говорил Сексту: «Быть героем просто — нужно помнить о тех, кого ты любишь». И сейчас он видел перед собой настоящего героя.

Петроний ожидал увидеть сломленного человека... Ему не повезло.

— Хорошее представление? — спросил Петроний, войдя в камеру Максимилиана.

Максимилиан не стал ему отвечать.

— Не хочешь со мной разговаривать? Хорошо. Восхищаюсь твоим присутствием духа. Не нашел еще своей «истины»?

Издательский тон Петрония, оставаясь безответным, безнадежно провисал. Максимилиан никак не реагировал.

— Ты будешь со мной разговаривать или нет?! — Петроний не выдержал и сорвался на крик.

Максимилиан молчал.

— Пороть его! — губы Петрония дрожали, он почти плакал, сознавая свою неспособность заставить Максимилиана признать поражение.

Стражники засуетились, но, смущенные заданием и благоговей перед заключенным сенатором, никак не могли приступить к делу.

— Шевелитесь, болваны! — кричал Петроний.

Максимилиана полосовали плетью, а он принимал эти удары без какого-либо внутреннего сопротивления. Если кто-то хочет его ударить — пусть. В конце концов это ему нельзя запретить, но и переживать из-за этого тоже не имеет никакого смысла.

После Петроний приказал вырвать Максимилиану язык. Профилактическая мера. Чтобы не повторить сегодняшней ситуации с Секстом.

Если у человека нет языка, то какая разница — знает он о том, кто сжег Рим, или не знает? Он все равно не сможет сказать.

— Кстати! — обронил Петроний перед самым своим уходом. — Я тут думал, кого из вас умертвить первым — тебя или Анитию? Решил, что ты не дрогнешь, когда она будет умирать. Ты ведь у нас «герой»! А она дрогнет, не выдержит, глядя на твои мучения. Ведь не выдержит же, правда?.. Очень хорошо! Говорят, этого их христианского бога как раз предал один из учеников. Я хочу, чтобы ты умер, зная, что твоя ученица предала своего учителя... Прекрасный план, прекрасный! Прощай!

\*\*\*\*\*

Публика грянула многотысячным: «Да!» Под протяжное гудение множества труб в самом центре арены началось движение. Отбрасывая в сторону тела погибших, крышка устроенного там колодца раскрылась шестью своими ставнями. Они поднимались вверх, словно лепестки

распускающегося цветка.

На глазах зрителей, среди кишачей массы человеческих тел и животных, выросла огромная клетка. Полтора десятка голодных львов, обезумевших от запаха свежей крови, метались в ней, словно большие желтые белки, запертые в вертящемся колесе. Звери, оказавшиеся в этот момент неподалеку от клетки, оцетинились и бросились врассыпную.

Сверху клетка была наполовину закрыта крышей, казавшейся своеобразным помостом. Трое рабов быстрыми и четкими движениями, словно делали это тысячу раз, приколачивали к огромному деревянному кресту человека в терновом венке. Весь Рим, бывший в этот момент на трибунах, ликовал. Сейчас они увидят смерть еврейского бога!

Справившись с первой частью задания, рабы поймали сброшенные им с велария веревки и закрепили их справа и слева на поперечной перекладине креста. С помощью лебедок, установленных на двух противоположных трибунах и соединенных с блоками на веларии, крест с человеком стали медленно поднимать вверх.

— Смерть еврейскому богу! Смерть! Смерть! Смерть! — скандировали трибуны, исступление толпы превзошло все, что доньше видели в амфитеатрах.

Когда крест занял вертикальное положение и повис над открытой частью клетки, как игрушка посредине беснующегося амфитеатра, настроение публики вдруг резко переменялось. Кто-то узнал в «еврейском боге», распятом сейчас на потеху толпе, сенатора Максимилиана. Эта новость мгновенно, словно грозовой ветер, пронеслась по трибунам:

— Это сенатор Максимилиан! Сенатор Максимилиан!

Толпа стихла. Воцарилась мертвая, тревожная тишина. И только надсадный рев голодных львов, хватяющих капли крови, падающие с креста, оглашал сейчас пространство амфитеатра.

Многие знали Максимилиана лично. Многие не раз обращались к нему за помощью и защитой. Трудно было забыть его публичные выступления об управлении Римом и мудрые речи об истине. Остальные же просто слышали о нем как о благородном и честном человеке.

— Разве мог он сделать что-то плохое?..

— Почему он висит на кресте еврейского бога?..

Рабы удалились с помоста по подвесному мосту, на который стража тут же вытолкнула Анитию. Грянул хор певчих. Звучали стихи императора, посвященные торжеству Рима, клеймящие христиан и рассказывающие о могуществе и мудрости цезаря.

Сам Нерон, облаченный в золотые ткани, в золотом венце, выступил вперед на утопающую в цветах площадку перед императорской ложей и брал одну высокую ноту за другой:

Славься, Рим, восстающий из пепла! Славься, город великих богов! Слезы просохли и печаль незаметна — Цезарь сразил коварных врагов!

Но слезы не просохли. Напротив, они появлялись сейчас на лицах людей. И сердца их тронули не восторженные дифирамбы Нерона и не воспоминания о недавнем пожаре, а эта юная девушка — еще вчера чудесно спасенная небом, и уже сегодня бесстрашно идущая на верную смерть над залитой кровью ареной.

Анития ступала по узкой полоске подвесного моста, не глядя под ноги. Она смотрела в глаза Максимилиана. На ней было простое белое платье. Но под ярким, стоящим в зените солнцем казалось, что не ткани окружают ее хрупкое тело, а льющийся с небес свет.

Почувствовав приближение Анитии, львы вдруг присмирели. Их гривы еще топорщились, они еще хрипели, вдыхая ноздрями воздух, но уже не рычали. Они скулили — жалобно, словно потерявшиеся котята.

— Она святая! Святая! — покатило по трибунам шелестом тысяч губ.

— Над пропастью страданий лежит дорога к счастью, — прошептала Анития, лаская нежным взглядом лицо любимого учителя. — И пока чувства живы, нет этой пропасти. Есть

только одна — длинная-длинная — дорога к счастью. Слушай мое сердце, Максимилиан...

Но он не мог ей ответить, не мог вымолвить ни единого слова, просто открыть рта. Он лишь качнул головой и улыбнулся одними губами, на которых багровела запекшаяся кровь. Нежность и благодарность его души была в этой странной улыбке.

Женщины на трибунах тихо плакали, мужчины встали со своих мест и напряженно вглядывались в лица приговоренных.

Тревожный гудок сигнального рога разорвал тишину. Тысячи грудных клеток схватили воздух на глубоком вздохе. Сейчас рабы перерубят веревки, удерживающие крест над клеткой. Он упадет, и свирепые хищники в считанные секунды разорвут сенатора на части.

Раздался звук ударов по колодкам. Лебедки жалобно взвизгнули. Блоки на веларии затрещали. Крест легонько качнулся, словно подбитая в полете птица, и пошел вниз.

— А-а-а... — протяжным стоном надорвались трибуны,

Стоя на краю клетки, Анития держала огромный дубовый крест с распятым Максимилианом на своих тонких, вытянутых руках. Казалось, время остановилось, замерло, не желало двигаться дальше.

Люди не верили своим глазам, тысячи глаз не верили самим себе.

«Отпусти... — шептала душа Максимилиана. — Ты не можешь...»

«Я могу... — отвечала душа Анитии. — Я могу...»

*Максим открыл глаза.*

*Он в реанимации. Ночь.*

*Аня заснула у него в ногах и бережно прикрывает их руками, словно крыльями.*

*Так и он когда-то заснул, охраняя ее сон.*

«Отпусти... Ты не можешь...» — «Я могу...»

*Максим поднял руку, чтобы смахнуть невольную слезу.*

*Рука сделала это, словно никогда не болела.*

*«Над пропастью страданий лежит дорога к счастью», — за стеклянной перегородкой дремлет дежурная медсестра, а у нее работает радио, еле слышно. В тишине...*

\*\*\*\*\*

Время от времени страдание стучится к нам в двери, — говорил неизвестный. — Это правда. Некоторые открывают ему и принимают как дорогого гостя. Другие не открывают. Сидят за своей дверью, трясутся от страха и думают: «Когда же оно уйдет?» И очень немногие спрашивают себя: «Зачем я страдаю?»

— В каком смысле? Прямо так и надо спрашивать? — удивился второй голос.

— А вы не пробовали? — обладатель первого голоса добродушно рассмеялся.

— И что будет, если спросить? — смутился интервьюер.

— вы не бойтесь, просто спросите. Только не у меня, а у себя... Это же вы страдаете, когда страдаете.

— И что будет?..

— Ну, вот вы опять! — рассмеялся муж чина. — На самом деле ничего не будет. На этот вопрос просто нет ответа. Когда вы спрашиваете себя: «Зачем я страдаю?» То есть о смысле, о цели своего страдания спрашиваете... Вы обязательно упираетесь в черную стену. Нет хода, нет ответа. И знаете почему?

— Почему? — спросил второй голос.

— Потому что у страдания просто нет смысла! А теперь спросите себя, зачем вы любите.

— Но ведь на этот вопрос тоже нет ответа...

— Но что вы чувствуете? — голос радийного гостя стал серьезным.

— Ну, я... — растерялся интервьюер.



— Чувствуете или не чувствуете? — быстро и как-то по-деловому спросил мужчина.

— Чувствую, да, — признался журналист. — Ну... это же понятно, зачем люблю.

— Внутренний свет? — уточнил его гость, ни секунды не сомневаясь в том, что правильно «угадал».

— Да, — подтвердил ведущий.

— Вот, видите — вы можете говорить с самим собой! — чувствовалось, что гость очень радовался успехам своего собеседника.

— И неужели так просто?.. — ведущий и сам был так доволен своими успехами, что даже не верил им.

— Мы страдаем только до тех пор, пока нам кажется, что в этом мероприятии есть какой-то смысл, — тут голос рассказчика стал веселым, — какая-то романтика, если хотите. Но спроси себя: «Зачем я страдаю?» И тебе станет понятно — это абсолютно бессмысленная вещь!

Если кому-то нравится тратить время, силы на бессмысленные вещи, он, конечно, может этим заниматься. Грубо говоря, хочет страдать — пусть страдает. Но тот, кто хочет, чтобы в его жизни был смысл, просто не имеет права тратить ее на бессмысленные вещи! И первая из этих бессмыслиц — страдание, о котором вы меня спрашиваете.

А первая из вещей, которая, наоборот, наполняет нашу жизнь смыслом, — это наши чувства, наше отношение к людям, которые нам дороги. Да, мы не можем дать четкий, конкретный ответ на вопрос: «Зачем я люблю?» Но тут ведь и сам вопрос лишен всякого смысла! Зачем я люблю?! Спросили тоже! Это настолько очевидно, настолько важно, настолько где-то внутри, в душе, в душе каждого из нас, что и спрашивать-то как-то глупо! Люблю — да! И все!

— А это только любви касается? — уточнил ведущий.

Нет, совсем нет! Знаете, если вы смотрите на вещи поверхностно — а все мы часто этим грешим, — вы неизбежно попадаете в западню. Так устроен наш разум — то, что на поверхности, его путает. Поэтому мы должны научиться видеть суть вещей, не то, что на поверхности, а то, что за этой поверхностью. Страдание — это испытание, да. Но у самого страдания нет сути. Оно — пустышка. А у счастья есть суть, тут даже объяснять нечего. И так во всем.

— А можно пример? — попросил ведущий.

— Хотите пример? — задумался его собеседник. — Хорошо. Можно преподавать... ну, возьмем — математику, а можно быть настоящим учителем. И вы же понимаете разницу... Одно на поверхности, другое — внутри. А можно, например, танцевать — в ансамбле песни и пляски. Но можно и быть настоящим танцором — человеком, у которого душа танцует. Понимаете?.. Как у Ницше: «Я поверил бы только в то божество, которое умело бы танцевать!» Ну, право, он же не о фуэте говорил!

— Ну, и все же... — не унимался ведущий ночного эфира. — Как же отличить то, что имеет смысл, от того, что не имеет смысла?

Его гость снова рассмеялся:

— Я же говорю вам, просто спросите себя: «Зачем?» Себя спросите. И получите ответ. Уверяю вас, правда!

*Пошли помехи, голоса стали пропадать.*

*И этот странный ночной разговор прервался.*

*Когда радиоприемник снова поймал волну, там играла музыка.*

*Хорошая, красивая, чистая музыка.*

*А Максим уже ответил себе на вопрос — «Зачем?»*

*Теперь он смотрел на Аню, и ему нужно было ей что-то сказать.*

*Что-то очень важное, что-то, что он только сейчас понял...*

*Но она так сладко спала.*

*Уставшая, измучившаяся.*

*Максим боялся и не хотел тревожить ее сон. Он погладил вокруг нее воздух — нежно, едва касаясь.*

*Потом огляделся вокруг.*

*На прикроватном столике для медицинских инструментов лежал график его температуры и кровяного давления, а рядом карандаш.*

*Максим еще раз посмотрел на Аню и записал то, что хотел ей сказать.*

*Так... чтобы не забыть, не забывать, никогда...*

Данила очень удивился, когда Аня сунула ему в руку какой-то больничный документ с графиком.

— Я думаю, это ваше, — сказала она и улыбнулась. — Спасибо за все. Не знаю, что сказать. Все это так... В общем, спасибо.

Она уже собиралась уходить, как вдруг обернулась и спросила:

— А вы, правда, напишите книгу про учителя танцев?

— Про самого настоящего учителя, — ответил я, выдержал паузу и добавил, — танцев.

— Спасибо, — сказала Аня, и на ее глазах блеснули слезы счастья.

Она повернулась и пошла по коридору.

— Анхель, смотри! — Данила показывал мне написанный поверх графика текст Третьей Скрижали Завета.

— А... — Аня снова обернулась.

— Что? — улыбнулся я, глядя на ее тонкую фигуру, словно выточенную ярким утренним светом, льющимся из больничного окна.

— Я не очень хорошо знаю историю, — нежная, смущенная улыбка играла на ее устах. — Что там с ними произошло?

— С ними — это с Нероном и Петронием? — уточнил я и посмотрел на нее с наигранной укоризной.

— Да, — Аня залилась румянцем и шкодливо прищурилась.

— Через год Петрония обвинят в заговоре и он покончит с собой. А еще через три года с собой покончит и сам Нерон. Сенат объявит его врагом отечества...

— Понятно, — сказала Аня, судя по всему, она была очень довольна этой «новостью». — Ну, тогда я пойду?..

— Иди, иди... Он тебя ждет, — рассмеялся Данила.

Я принялся читать текст Третьей Скрижали Завета.

— Смешная, — протянул Данила, глядя на ее летящую, танцующую походку.

— А мы-то с тобой хороши). — воскликнул я, потирая затылок.

— Ну уж нет! Ты — «хорош!» — Данила театрально вскинул руки и широким шагом направился к выходу. — И он еще называет меня „материалистом“! Имеет наглость! Ну вы подумайте только, какой нахал! Это, значит, я „материалист“! Очень хорошо! Блестяще! Гениально! Хоть стой, хоть падай! Плетет мне черт знает что про своих индейцев, сам наполовину индеец, и ни бельмеса, ну ни бельмеса в параллельных мирах! А я... я — „материалист“! Нет, это просто невыносимо! Если я еще хоть раз что-то подобное услышу, хоть что-то близкое к этому!.. Я не знаю... я просто не знаю, что я с тобой сделаю!

Я хохотал. Данила ругал меня на чем свет стоит, и с такой любовью, с таким изяществом, что смотреть на это без восхищения было невозможно. Я плелся за ним, изображая самого виноватого человека на свете, и заискивающе лепетал:

— Да, мой господин! Конечно, мой господин! Я — материалист, я, о божественный! Как я мог так заблуждаться! Позор, позор Анхелю де Куатьэ!

Мы вышли из больницы. Данила на мгновение остановился, посмотрел мне в глаза и сказал:

— Знаешь, Анхель, если мы и в следующий раз будем так тупить, четвертую скрижаль не найдем. Это точно. Если бы не ребята... если бы не... мы бы и эту... Ладно, — Данила выдержал паузу. — Дай я тебя обниму, что ли... Все-таки получилось. Черт возьми, получилось!

И мы обнялись, а я расплакался. Как дурак...